

18+

Шишков Сергей

Терапевтические сказки
борогатого психолога

Сергей Шишков

**Терапевтические сказки
бородатого психолога**

«Издательские решения»

Шишков С. Н.

Терапевтические сказки бородатого психолога / С. Н. Шишков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697037-3

«Терапевтические сказки бородатого психолога» — это сборник сказочных притч от практикующего психолога, где каждая история, сказка — о преодолении страхов и поиске себя в удивительном Городе, полном жизни и тайн. Сказки помогают увидеть глубину простых моментов и услышать голос Души, напоминающий о том, что каждый рассвет открывает новые возможности. Здесь вы найдёте уют, мудрость и тот самый щелчок, который помогает отцепиться от горизонта старых страхов и встретить новый рассвет в себе.

ISBN 978-5-00-697037-3

© Шишков С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от Бородача с Картой Несуществующих Улиц	6
О Пылинке и Небесной Лавке	9
О Господине Нике и двух ключах	12
О Лиаме-Барде и Агате-Водоразделе	18
О Выборе Поно	24
О плите, на которой никогда не готовили для себя	29
О Мисс Стоун и Законе Лапы	34
О Золотой Птичке, Стеклянном Клерке и Правде Манекенщицы	40
О мяснике Бруно и котлете стыда	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Терапевтические сказки бородатого психолога

Сергей Николаевич Шишков

© Сергей Николаевич Шишков, 2026

ISBN 978-5-0069-7037-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от Бородача с Картой Несуществующих Улиц

Здравствуйте. Проходите. Присаживайтесь на этот стул – он не скрипит, я проверял. А я пока заварю чай. Не простой, а «Ночной», он пахнет дождём стекающим по кирпичу старого «монастыря черных братьев» и тёплым шерстяным свитером Юнга. Идеален для разговоров о странном.

Меня вы, возможно, видели в городе. Я тот самый Бородастый Психолог, чей кабинет находится на втором этаже дома с зелеными ставнями, прямо над булочной, где пекут булочки сонных воспоминаний и булочки для ребефинга. Ко мне приходят люди. Не с болезнями, а со своими историями. А точнее – с одним и тем же местом в истории, где страница замялась, зацепилась за что-то острое, и дальше читать свою жизнь стало больно.

Моя Работа – часть ремесло, часть магия или алхимия. Иногда достаточно простого, прямого слова, как отвёртки, чтобы поддеть и выправить загнувшийся угол. Но чаще... чаще душа устроена не как простой механизм, а как Город. Со своими кривыми переулками, тупиками, потайными дверями в стенах, которые кажутся глухими, и фонарями, которые зажигаются от правильных слов. Тут прямыми маршрутами не пройдёшь. Тут нужны метафоры. Они – как фонарики в тёмном переулке. Не покажут всё сразу, но дадут немного света, чтобы сделать шаг в будущее и не споткнуться. Чтобы осознать суть теней, не нужно освещать причину проектором – от этого тени лишь становятся чернее и страшнее. Лучше подсветить её сбоку, под углом, и увидеть, что это всего лишь трещина в стене, а не бездна отчаянья.

Я не охотник на страхи. Страх – старый и умный сторож и советник. Он не даёт нам шагнуть с обрыва, сунуть руку в огонь, довериться тому, у кого в глазах пустота вместо зрачков. Лишённый страха человек просто не выживет. Он не дотянет до утра в нашем с вами, скажем так, не самом безопасном Городе. Моя задача – иная. Отличить сторожа от тюремщика. Помочь открыть ту дверь, которую старый, перепуганный страж давно запер на ржавый засов, приняв скрип ветки за скрежет ножа. Убрать не страх, а тюрьму изнутри. Ту, что мешает слышать музыку из открытого окна, потому что все силы уходят на то, чтобы придержать дверь.

Так и родились эти истории. Мои «Терапевтические сказки бородатого психолога». Я записывал их по ночам, когда Город за окном затихал, оставляя лишь шёпот дождевых струй по желобу или шуршание медленно падающего пушистого снега. Я наполнял их не моралью, а чувствами. Золотым страхом Доры, стальной тревогой Ника, тихим ужасом Фаддея Пома. Я водил их по тем же переулкам, что и моих гостей, но давал им в руки не инструкцию к прозрению, а фонарь-озарение. Надеюсь, что свет этого фонаря, поймав в своих стеклянных боках отражение чужой борьбы, вдруг осветит и ваш собственный, знакомый, но пугающий поворот.

Персонажи здесь самые разные, как посетители в небольшой, но очень специфической кофейне на краю реальности. От тех, кто блистает, как новогодняя гирлянда в тёмном подъезде – таким звонким, требовательным сиянием, что от него слезятся глаза, но и отвернуться нельзя. До тех, кто напоминает запylённую, потрёпанную книгу в дальнем углу лавки букиниста «Шёпот и Пагинация». Корешок стёрся, тиснение золотом потускнело, но если осторожно перелистнуть страницы, там обнаружится текст такой пронзительной чёткости, что он прорезает душу, как лазерный луч паутину.

Книгу, которую случайный покупатель смахнёт с полки, а потом будет всю ночь сидеть у окна, забыв про сон, потому что в ней нашлась фраза, которую он безуспешно пытался сложить из обрывков своих чувств всю жизнь.

Я старался не только рисовать психологические портреты своих героев, а приоткрыть двери в чужие квартиры душ. В надежде, что каждый, кто возьмёт этот сборник в руки, сможет заглянуть в одно из окон и ахнуть: «Да ведь это же... Это про меня. Только ковёр у нас другой и чайник свистит на две ноты ниже».

Чтобы вы могли узнать в чьём-то откровении – не в громкой декларации с балкона, а в тихом, сделанном почти что шепотом признании самому себе в предрассветный час – свой собственный, сдерживаемый годами порыв. Тот самый, что вы аккуратно, как опасный реактив, закупорили в склянку с толстыми стенками и поставили на самую верхнюю полку души, где сейчас, будем честны, уже целая коллекция.

Чтобы в чьём-то страхе, в том специфическом, похожем на лёгкий звон в ушах, фоне тревоги, вы услышали эхо собственного ночного трепета. Того, что будит вас в три часа ночи сообщением от внутреннего телеграфа: «Всё пропало. Шеф всё узнает. Сердце вот-вот остановится. А главное – ты никогда-никогда не будешь по-настоящему...» – и дальше идёт незавершённая фраза, смысл которой вы утром всё равно не вспомните, но осадок останется, как налёт на кофейной чашке.

И чтобы в чьей-то, пусть и с трудом добытой с боем и с потерей крови победе (не в триумфе под фанфары, а в настоящей, тихой победе, больше похожей на усталое перемирие с самим собой) – вы нашли не готовый рецепт, а намёк на форму ключа. Смутные очертания в полутьме. Может, это ключ от вашей собственной заколдованной двери, который, чего доброго, уже много лет лежит у вас в кармане, перемешавшись с мелочью и старыми чеками, и вы принимаете его холодное прикосновение за обыкновенную монету. Истории на этих страницах не вручат вам ключ. Они лишь тихонько скажут: «Знаешь, иногда стоит перебрать содержимое своих карманов. Вдруг там найдётся что-то, издавна ждущее своего часа?». А что вы с этим сделаете – уже ваша история.

А теперь – приглашение.

Я приглашаю вас на неспешную прогулку. Не по моему кабинету. А по тому самому Городу, что живёт на этих страницах. Он немного похож на любимый мной Выборг – те же булыжные мостовые, шпили, отражающиеся в лужах, аромат кофе и старого камня. Только вот находится он где-то за пределами привычных координат. Его законы – это законы сердца. Его география – это география души. Здесь можно свернуть за угол и встретить самого себя пятилетней давности. Или найти лавку, где продают тишину определённого оттенка.

Не торопитесь. Прислушивайтесь к звукам. Вдыхайте запахи. Делайте паузу на чашечку кофе в кафе «Синекдоха». Позвольте Душе Города и историям вести вас. А я останусь здесь, допивать свой чай с медом. Если что – я всегда тут, на втором этаже над пекарней, буду как всегда, слушать шум нежного ветра, заигрывающего с нестибаемым шпилем ратушной башни. Но, думаю, на этой прогулке вы найдёте гида получше меня. Вы найдёте себя, чуть более смелого, чуть более свободного.

Хорошей вам прогулки. И помните: самый важный поворот может оказаться на следующей странице.

С уважением, ваш бородатый психолог.

О Пылинке и Небесной Лавке

В городе, где дождь шел, только когда его вежливо просили, а фонари пели колыбельные прохожим, жила девушка по имени Лина. Она была невысокой, с круглыми щечками и глазами, в которых застряло детство, как монетка в щели дивана. Лина умела делать невероятные вещи: варить варенье из утренних снов, вышивать на скатертях карты забытых мест, разговаривать с кошками на их языке. Но всё это – только в четырёх стенах своей квартиры-гнезда, за плотными шторами.

Её боязнь быть, проявлять себя, была не обычной робостью, а настоящим Существом. Оно сидело у неё на плече, маленькое, пушистое и ядовитое, как персик с гнилой косточкой. Существо шептало: «Зачем светиться, если можно тихо тлеть? Зачем говорить, если можно молчать? Мир большой, а ты – пылинка. Пылинкам лучше не привлекать внимания».

Однажды, возвращаясь с рынка, где Лина купила три облака для пирога (самых пушистых, с ванильным оттенком), девушка неожиданно заблудилась. Не в географии – в городе ей не заблудиться, – а в привычном маршруте. И наткнулась на лавку, которой вчера здесь ещё не было. Вывеска гласила: «Небесная Лавка. Т. Чердачник, хозяин».

Лавка пахла старыми книгами, корицей и чем-то ещё – будто бы электричеством перед грозой. За прилавком сидел мужчина в жилете, усыпанном блёстками, которые мерцали, как далёкие звёзды. Это и был Т. Чердачник.

– Мне бы... – начала Лина.

– Тебе бы не бояться, – закончил он, не глядя на неё, протирая лупу размером с блюдце. – Но это не продаётся. Это добывается. Как руда. Или как мёд из ульев диких пчёл.

Существо на её плече фыркнуло.

– А что продаётся? – спросила Лина, разглядывая банки со специями, подписанные «Щепотка храбрости», «Аромат первопроходца», «Зёрна нездешнего».

– Продаётся опыт, – сказал Чердачник. – Но не в банках. Вот, к примеру, билет на «Вечернюю Экспозицию». Раз в сто лет люди приносят сюда что-то, во что вложили кусочек своей души, и выставляют это на всеобщее обозрение. Сегодня как раз такой вечер.

Он протянул ей билет – простую картонку, тёплую на ощупь.

Существо зашипело: «Не ходи. Они будут смотреть. Они увидят. Они оценят. Или не оценят. И то, и другое – больно».

Но любопытство в Лине было сильнее страха. Она взяла билет и пошла домой, чтобы отнести покупки.

Вечером вернувшись она застыла в дверях. Лавка преобразилась. Пол ушёл вглубь, стены раздвинулись, открыв не звёздное небо, а что-то вроде внутреннего пространства вселенной – тёплого, бархатного, готового принять в себя любой свет. Люди – самые разные – ставили на маленькие подиумы свои творения: песни, вышитые звуком; картины, нарисованные запахами; истории, сплетённые из теней.

Лина стояла у стены, чувствуя себя прозрачной. Существо на плече ликовало: «Вот, видишь? Они все такие яркие. А ты – нет. Ты пылинка. Лучше бы не приходили».

И тут к ней подошёл Чердачник.

– Правила Экспозиции, – сказал он деловито. – Каждый гость должен что-то выставить. Иначе его съедает тень от забытой луны. Шутка, – добавил он, видя её испуганное лицо. – Но не совсем. Бездействие здесь считается оскорблением. У тебя же есть что-то?

В сумке у Лины лежало облачное варенье в маленькой баночке. Она сделала его сегодня утром. Варенье было особенным: в нём плавали кусочки снов о полёте. Оно светилось мягким перламутровым светом.

– Только это... – прошептала она.

– Идеально, – сказал Чердачник и буквально вытолкнул её в центр зала.

Сердце Лины билось так, будто хотело вырваться и убежать. Мир сузился до яркого пятна света на подиуме, куда она поставила свою баночку. Она чувствовала на себе сотни взглядов. Существо визжало от ужаса, впиваясь коготками в плечо.

Но потом произошло чудо. Кто-то в первом ряду – женщина с печальными глазами – тихо сказала: «Как красиво светится». Другой человек, старик с лицом, изрезанным морщинами-картами, улыбнулся: «Пахнет моим детством. Запахом травы после дождя, когда я бежал куда-то без оглядки».

Лина стояла, не двигаясь. Её не съела тень. Её не осмеяли. Её маленькое, тихое чудо – варенье из облаков и снов – просто было. И этого было достаточно.

Когда Экспозиция закончилась, Чердачник вернул ей пустую баночку.

– Забери. Теперь она наполнена кое-чем другим.

Лина взглянула внутрь. Баночка была полна до краёв тёплым, золотистым светом – не физическим, а чувством. Чувством, когда тебя увидели и не отвергли.

– Это что? – спросила она.

– Опыт Бытия. Быть Замеченным, – ответил хозяин Лавки. – Первая доза. Сильнодействующая штука. Вызывает привыкание к Жизни.

По дороге домой существо на её плече сидело смирно. Оно стало меньше и уже не было таким пушистым и ядовитым.

– Знаешь, – сказала Лина ему, а может себе, – быть пылинкой – не так уж плохо. Солнечный луч виден только тогда, когда в нём танцуют пылинки. Без них – просто пустота.

На следующий день Лина не просто сварила варенье. Она отнесла баночку соседке, которая давно болела. И не сбежала, а села и рассказала, как его готовить. Её голос сначала дрожал, но к концу рассказа стал твёрдым и звонким, как колокольчик.

С каждым днём её Существо уменьшалось. Однажды утром она обнаружила на плече лишь лёгкий серый пушок. Он разлетелся, когда она открыла окно, чтобы впустить ветер, попросившийся к ней на чай, разумеется с облачным вареньем.

Лина не стала знаменитой или самой яркой звездой в Городе. Но она стала Линой. Той, чей смех слышали в кафе, чьи странные пироги с облачной начинкой покупали на ярмарке, чьи карты забытых мест иногда помогали заблудившимся странникам.

А Небесная Лавка исчезла с того перекрёстка. Но Лина знала – она где-то есть. Возможно, на чердаке её собственного дома. Потому что главный секрет, который она узнала той ночью, был прост: чтобы быть, надо просто начать. Проявить себя – это не громовая речь, а тихое «вот, я сварила варенье». Быть заметным – значит не бояться занимать место в мире, которое тебе отведено. Даже если это место – размером с баночку для варенья, светящуюся в темноте небесной экспозиции.

И самое смешное, что как только ты перестаёшь бояться быть пылинкой, ты обнаруживаешь, что всё это время был целой вселенной. Просто скромной. И от этого не менее прекрасной.

О Господине Нике и двух ключах

В Городе, где тени ложились спать на час позже своих хозяев, а мостовые помнили каждый шаг, жил мужчина по имени Ник. Не Николай, не Никодим – просто Ник. Коротко, как удар. Он был воплощённой геометрией силы: жилы под кожей напоминали карту горных хребтов, осанка – стальной прут, а взгляд – лазерный уровень, выверяющий мир на предмет кривизны.

Ник правил своим маленьким царством – мастерской по ремонту редких часовых механизмов – с безраздельной властью. Он не просто чинил хронометры; он умирал время, заставлял шестерёнки подчиняться. Клиенты говорили о нём шёпотом: «Он может починить даже разбитое сердце, но не станет – скажет, что оно работало неправильно».

У него был лишь один изъян. Страх Любви. Этот страх в Нике вызревал как тщательно сделанный рациональный вывод, к которому он пришел после долгого и внимательного изучения предмета. Он наблюдал за этим явлением со стороны и все его наблюдения сводились к одному: Любовь – это самый изощренный вид подавления и хаоса. Анархия чувств, где партизаны-эмоции захватывают власть без объявления войны. Это заводная пружина, лишенная предохранительного механизма, готовая в любой момент сорваться и сломать безупречный часовой механизм его жизни. И тогда его обязательно предадут и он будет беспомощным.

Потерять контроль в этом хаосе значило для Ника перестать дышать. Контроль был не просто его привычкой – это был кислород, которым дышала его личность. Поэтому он строил все взаимодействия с людьми по чертежам, которые сам же и выверял. Его отношения напоминали не сад, где что-то растет само, а отлаженную социальную инженерию с четкими функциями, смазанными узлами и подробной инструкцией по эксплуатации на случай поломки.

А главным инструментом в его руках была Честность. Но не та, что идет от сердца и направлена на себя, а та, что выточена из холодного, прозрачного кварца Правды. Он владел ею, как виртуоз скальпелем. Фразы «Твоё существование статистически незначимо» или «Ты заикаешься и твои аргументы не выдерживают критики» и «Передай отвёртку» звучали в его исполнении абсолютно идентично – ровным и мощным, лишенным вибрации баритоном,

который не оставлял места для возражений. Он был крепостью, возведенной из неопровержимых фактов и железной рациональной логики, а беспощадная правда служила ей стенами – высокими, гладкими и абсолютно неприступными.

Но однажды в его мастерскую вошла Она.

Не женщина – явление. Её звали Эхо. Не потому, что повторяла чужие слова, а потому что вокруг неё пространство вело себя странно: звуки замедлялись, свет преломлялся в танце, а тени казались самостоятельными существами. Она принесла на ремонт не часы, а странный прибор – «Атмосферный камертон», по её словам, настраивающий тишину.

– Он перестал вибрировать в такт с честностью, – сказала Эхо, и её голос прозвучал так, будто звук пришёл не через уши, а как бы изнутри Ника.

Ник, привыкший всегда доминировать даже в диалоге, ощутил лёгкий сбой. Он взял в руки «Атмосферный камертон» – странный предмет, похожий на серебряную двузубую вилку, но изогнутую по законам не эвклидовой, а, скажем так, эмоциональной геометрии, и инструмент дрогнул в его руке, издав звук, похожий на звон разбитого хрусталя. Он взвесил его на ладони, привычным жестом оценивая вес, баланс, потенциал сопротивления материала. Его пальцы, знающие силу натяжения каждой пружинки, не нашли здесь привычных точек приложения.

Хлам, – пронёсся в его голове чёткий, ясный вердикт. Вердикт, который он и произнёс бы любому другому клиенту без тени сомнения.

Но он посмотрел на неё. И слова, прежде чем вырваться наружу, столкнулись внутри с неким новым, доселе неведомым буфером. Результат вышел всё равно резким, отточенным, но звучал уже не как приговор, а как... констатация странного факта.

– Честность – нефизическая величина, – произнёс он, и его баритон, обычно заполнявший всё пространство, на этот раз лег ровным стальным листом между ними. – Сложно починить то, что я не могу измерить. Нет штангенциркуля для искренности. Нет осциллографа для доверия. У этого прибора, – он слегка встряхнул камертон, и тот издал жалкий, нерезонансный *тззз*, – если отбросить мистику, разболтано крепление. Или отсырела древесина рукояти. Всё остальное – психосоматика заказчика.

Он ждал. Ждал обиженной вспышки, ждал глупых возражений, ждал, что она начнёт доказывать, – давал ей возможность занять предсказуемую позицию слабости. Так всегда происходило в его вселенной.

Эхо не двинулась. Она слегка наклонила голову, и свет от единственной лампы над верстаком (Ник ненавидел рассеянный свет) скользнул по её волосам, устроив кратковременное затмение. В её глазах не было ни вызова, ни страха. Был интерес. Чистый, почти лабораторный. Так смотрят на грозного, но изученного и потому не сильно опасного зверя за толстым стеклом, отмечая мощь его челюстей, но одновременно и красивый рисунок на шкуре.

– А вы измеряете всё? – спросила она. Её голос был тише его, но обладал странным свойством: он не боролся со звуками мастерской (тик-так десятков часов, гудение вентиляции), а обтекал их, делая их на мгновение фоновым шумом. – Микрометром – твёрдость, амперметром – ток. А чем вы измеряете, например, сопротивление материала... собственной брони?

Это был не упрёк. И даже не вопрос. Это было предложение. Предложение рассмотреть его самого как сложный, возможно, не до конца изученный прибор.

Ник почувствовал лёгкий, почти что механический щелчок где-то в районе солнечного сплетения. Ощущение, будто отперли дверцу, в которую он и не думал, что могут постучаться. Его обезоружило не нападение, а отсутствие поля боя. Ему нечего было штурмовать, нечего ломать. Ему предложили... совместное исследование.

Он опустил глаза на камертон в своих руках. Могучие пальцы, способные согнуть медную пластину, сомкнулись вокруг хрупкой серебряной развилки чуть менее уверенно.

– Инструменты для измерения сопротивления брони обычно приводят к её деформации, – сказал он наконец, и в его голосе впервые за многие годы проскользнул оттенок чего-то еще, кроме уверенности. Что-то вроде... сухой иронии, направленной внутрь. – Ладно. Оставляю прибор на диагностику. Приходите завтра. В шестнадцать ноль-ноль.

Он не пригласил. Он проинформировал. Но для Ника это уже была капитуляция. Он принял в работу бессмыслицу.

Эхо лишь кивнула, лёгким движением подхватив с вешалки плащ цвета росы на рассвете.

– До завтра, мастер Ник. Постараюсь не нарушать ход ваших часов.

Она вышла. И только когда дверь за ней закрылась, не издав ни звука (он же смазал все петли), Ник осознал, что в мастерской пахнет не только машинным маслом и старым деревом. Запах дождя из другого полушария – тёплого, пряного, с ноткой далёкого океана – висел в воздухе, как неслышимый аккорд ее присутствия.

На следующий день она пришла в 16:03. Он отметил это про себя, но ничего не сказал. Она принесла чай в термосе. От него пахло не просто напитком, а дождём, конкретным ливнем где-то в окрестностях Сантьяго, обрушившимся на эвкалипты.

Она говорила о книге под названием «Бесконечный индекс», которую читала не с начала, а с середины, и утверждала, что это единственно верный способ. Смеялась она внезапно и тихо, и этот смех был похож не на звук, а на действие: точный поворот прозрачного ключа в невидимой, но важной скважине мира. От этого поворота что-то едва слышно щёлкало в механизме реальности, и Ник, к своему ужасу, начинал прислушиваться – не к её словам, а к этим тихим пощёлкиваниям.

Она приходила каждый день. Не спрашивала разрешения. Нарушала его безупречный график, как мягкий, но настойчивый луч света нарушает идеальный порядок пылинок в тёмной комнате. И он, Господин Ник, укротитель времени и пространства своей мастерской, ничего не мог с этим поделать. Кроме как слушать. Смотреть. И чувствовать, как тикают уже не только часы на стенах, но и какие-то другие, давно остановившиеся механизмы.

Крепость Ника дала трещину.

Впервые он почувствовал то, что не мог назвать. Это не вписывалось в его каталог привычных ощущений: «гнев», «удовлетворение», «раздражение», «контроль». Это было что-то тёплое, хаотичное, пугающее своей вибрацией в груди и животе. Любовь подкралась не как враг идущий в лобовую атаку, а как тихий саботаж в хорошо охраняемом государстве.

Однажды Эхо опоздала. Всего на десять минут и семнадцать секунд – Ник, не глядя на циферблат, ощутил это всем существом, как сбой основного ритма. Для вселенной, выверенной им с точностью до колебаний маятника, это был не проступок, а акт анархии. Каждая секунда ожидания звенела в его висках набатом.

Но настоящий ураган бушевал внутри. Его уверенность – та самая монолитная плита, на которой стоял весь его мир, – не просто дрогнула. В ней пошли трещины, и из них хлынул поток чёрных, липких предположений, с которыми он не умел справляться. Его разум, острый как резец, принялся точить кошмары. «Она нашла кого-то интереснее – более податливого, менее сложного... Она обсуждает его, его механистичность, со смехом где-то в кафе, полном бессмысленного света... Она лежит под колёсами трамвая на улице, которой нет в его атласе безопасных маршрутов». Каждая версия была ударом по фундаменту. Потому что все они вели к одному: его контроль – иллюзия. Он не может управлять её временем, её вниманием, её жизнью. Этот простой, очевидный для любого другого факт обрушился на него, как откровение о конце света. Страх, холодный и безликий, сжал его горло. Страх был не за неё – он был слишком эгоцентричен для такого чистого чувства. Страх был за себя. За свой рухнувший порядок. За то, что он оказался не инженером реальности, а всего лишь зрителем в Её хаотичном театре эмоций.

Когда дверь наконец открылась, и она вошла, от неё исходило сияние. Не метафорическое – воздух вокруг неё слегка мерцал, будто она принесла с собой осколок какого-то более яркого дня. На щеке – мазок пыли, в глазах – искры.

– Представляешь, – начала она, ещё не сняв плащ, – на Персиковой улице, в водосточной трубе...

Он не дал ей закончить. Слова вырвались, как выстрел, отточенные и ледяные.

– Ты опоздала на десять минут семнадцать секунд, – прозвучал его голос. Он не повышал тона. От этого было только страшнее. Каждое слово было гвоздём, вбиваемым в пространство между ними. – Твоя недисциплинированность – признак неуважения к моему времени. К установленному порядку. Ты играешь в игру, ключевые правила которой либо игнорируешь, либо не удосужилась изучить. Или, что вероятнее, – знаешь их и открыто насмехаешься.

Он выпалил это, глядя прямо на неё, ожидая знакомой цепочки реакций. Боль – он её увидит, измерит, и это даст ему точку опоры. Страх – он её успокоит, вернув себе роль сильного. Покорность – он её примет как должное, восстановив иерархию. Это были знакомые территории, карты которых он выгравировал в своей душе. Он снова пытался взять её под контроль, доминировать, вернуть себе почву под ногами единственным известным способом – с помощью своей беспощадной, болезненной правды, которая раньше всегда работала как кислотное травление, проясняя контуры его власти.

Эхо замолчала. Сияние вокруг неё не погасло, но сменило качество – стало глубже, тише. Она не отвела взгляд. И в её глазах не было ничего из ожидаемого им арсенала. Не было ни боли, ни страха, ни покорности. Была печаль. Не оскорблённая, не раненная – а глубокая, бездонная, как понимание пропасти, внезапно открывшейся под ногами человека. Она смотрела на него не как на обидчика, а как на того, кто, пытаясь спастись, рубит ветку, на которой сидит.

– Ник, – сказала она тихо. Её голос прозвучал не как ответный удар, а как щелчок отпираемого замка – мягко, но окончательно. – Ты сейчас пытаешься починить меня. Отрегулировать. Как свои часы, которые отстали. Подкрутить завод, подогнать маятник, чтобы я была в такт с твоим метрономом.

Она сделала паузу, давая словам просочиться сквозь броню.

– Но я не механизм. Я – процесс. Я – река, а не канал. И любовь... – она произнесла это слово впервые между ними, и оно повисло в воздухе, огромное и неудобное, – любовь – это не точность хода. Это не синхронизация двух шестерёнок, где малейший люфт ведёт к поломке.

Она подошла ближе, и теперь он видел в её глазах не только печаль, но и что-то неуловимо нежное, что сбивало его с толку сильнее любой злобы.

– Любовь, Ник, – это партитура для двух музыкантов. Иногда один играет громче, иногда другой замедляет темп. Иногда можно фальшивить – и это не катастрофа, а просто новый, неожиданный аккорд, из которого может родиться другая мелодия. Ты не можешь дирижировать оркестром, в котором сам играешь. Ты можешь только слушать. И отзываться. Даже если партия другого кажется тебе на три такта впереди или на полтона выше.

Она говорила о вещах, для которых в его мастерской не было ни чертежей, ни инструментов. О партитурах, а не о схемах. О мелодиях, а не о тактах. И он стоял перед этим, могучий и беспомощный, как часовщик перед штормом, пытающийся измерить ветер штангенциркулем.

Она взяла со стола свой атмосферный камертон. Теперь он тихо пел ровную, красивую ноту.

– Он заработал, – сказала Эхо. – Когда ты сказал ту жестокую правду для контроля над мной, тебе было страшно. Это и была та самая честность. Просто очень неудобная.

Она положила перед ним два ключа. Один – железный, тяжёлый, от его мастерской. Другой – стеклянный, хрупкий на вид, внутри которого мерцал туман.

– Железный ключ запирает твою крепость. Стекланный – открывает дверь в сад, где всё растёт не по расписанию. Выбрав один, второй растворится. Не сразу. Но растворится.

Она ушла. Не хлопнув дверью. Просто вышла, и пространство не заполнилось сразу его энергией, как это бывало обычно, а осталось пустым, звонким и четким, как пустой гранёный стакан.

Ник просидел всю ночь, глядя на два ключа. Его мощные руки, способные собрать тончайший механизм, дрожали. Всё его естество, вся его психопатическая архитектура требовала схватить железный ключ, вернуть контроль, доказать себе и миру, что он – Господин Ник, укротитель хаоса.

Но он смотрел на стекланный ключ. И внутри, под рёбрами, где-то в районе несуществующего в его чертежах сердца, что-то ноющее и живое отзывалось на слова «было страшно».

Он вспомнил Её улыбку и вдруг понял свой главный страх. Нет это не страх любви. А страх перед той уязвимостью, что стоит за ней. Страх увидеть, что его сила – лишь сложная система обороны вокруг мягкого, незащищенного центра. Страх, что, открыв дверь, он позволит другому человеку увидеть этот центр и... не сломать его, а просто оставить без внимания. Что будет хуже любого предательства.

На рассвете, когда городские часы пробили шесть, а тени от фонарей начали ложиться спать, Ник сделал свой выбор. Он не взял ни один из ключей. Он встал, своим уверенным, доминирующим шагом подошёл к двери мастерской и открыл её настежь. Утренний свет, холодный и резкий, ворвался внутрь, осветив пылинки, танцующие в беспорядке.

Он вышел на улицу, не зная, где искать Эхо. Это было новое, парадоксальное чувство: его воля, обычно сфокусированная как лазер на цели, теперь была рассеяна, как лунный свет на воде. Куда идти? В библиотеку несуществующих книг? В парк, где дождь пахнет другими мирами? Он просто пошёл. Шёл по городу, и его осанка по-прежнему была прямой, плечи – развёрнутыми, шаг – мерным и тяжёлым. Но прохожие, которые раньше невольно отступали, давая дорогу этой человеческой крепости, теперь лишь мельком бросали взгляд. Что-то изменилось в самой природе его силы.

Сила крепости – это сила отторжения. Её цель – выстоять, не впустить, сохранить неизменный внутренний порядок вопреки любым осадам. Ник знал эту силу досконально. Он был её идеальным архитектором.

Сила моста, которую он нёс теперь в себе, была иной. Её предназначение – соединять. Быть опорой не для себя, а для пути других. И пропускать через себя течение воды, ветра, времени, чужих судеб. Мост не владеет рекой. Он позволяет ей течь, оставаясь при этом нерушимым в своей основе. Он стоит, открытый ветрам всех направлений, и его сила – в этой уязвимой открытости, в готовности быть частью чего-то большего.

Ник шёл, и его спина, казалось, ощущала этот невидимый груз и это сквозное течение. Он не сжимался, чтобы защититься. Он расправлялся, чтобы выдержать. И чтобы пропустить.

Он не нашёл её в тот день. Он обошёл все набережные, заглянул во все знакомые кафе, подождал у Башни Алхимика. Тщетно. И, возможно, он всё ещё ищет.

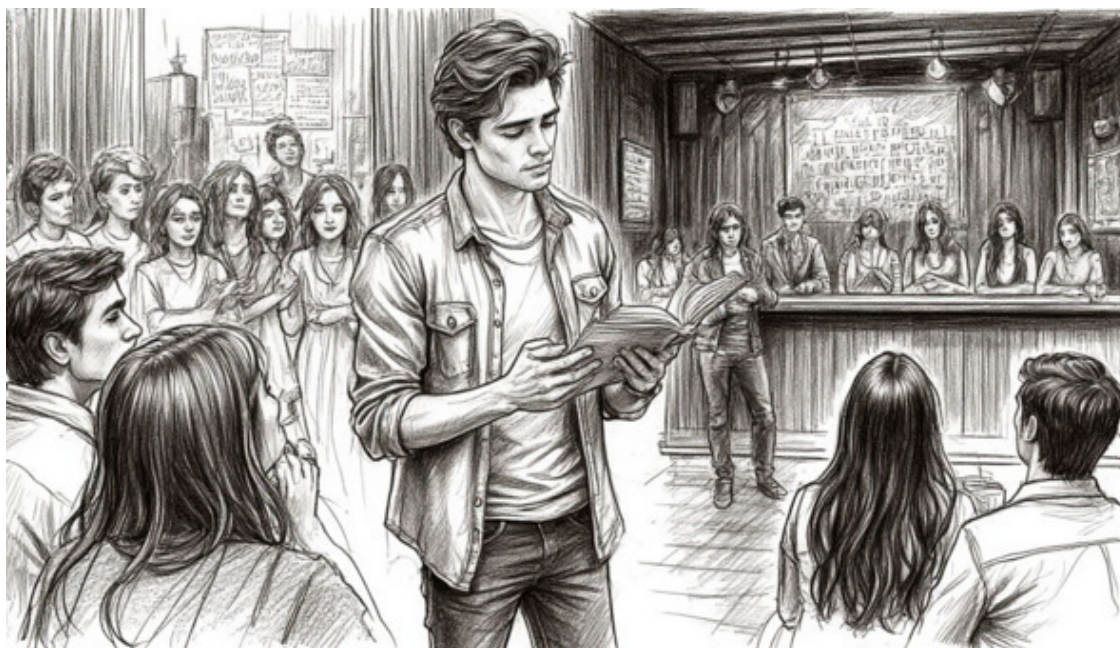
А может, вон те двое, что стоят, обнявшись, на старом арочном мосту через Зелёный канал, – это они. Мужчина, чья осанка говорит не о доминировании, а о надёжной опоре, и женщина, чьи волосы ловят ветер, разносящий запах далёкого моря. Он что-то тихо говорит ей на ухо, и она смеётся – тем самым смехом-ключом. Может быть.

Но сказка – не об этом. Не о хеппи-энде как о точке на карте. Сказка о том, что иногда самое мощное, самое доминирующее существо встречает на своём пути единственное, чего не может контролировать – собственную потребность в другом. И что страх любви – это часто страх перед самим собой, тем самым, что прячется за всеми достижениями и правдой-скальпелем.

А два ключа? Говорят, они до сих пор лежат в его мастерской на виду. Железный постепенно ржавеет. Стекланный – не растворяется, а наоборот, обрастает новыми, почти невиди-

мыми слоями хрусталя. Как будто ждёт. Или просто напоминает: самый сложный механизм во вселенной – это не часы, а выбор между безопасностью одиночества и опасным чудом связи. И для его починки нужны не отвёртки, а мужество остаться у открытой двери, даже когда ветер снаружи холоден и несёт неизвестность.

О Лиаме-Барде и Агате-Водоразделе

В городе, где фонари зажигались не от электричества или газа, а от уличного остроумия, а скука считалась тяжчайшим преступлением, жил бард по имени Лиам. Он был произведением искусства в движении, Поэтом с большой буквы. Его плащи (а у него их было много и каждый на свое настроение) не развевались – они струились. Его улыбка была не простой, а многослойной: от легкого полупренебрежения до обезоруживающего тепла, в зависимости от положения собеседника в его личном ранге о табелях. Его стихи были идеально отточенными бриллиантами, сверкающими всеми гранями, холодными на ощупь.

Лиам был рыцарем, но не имел своего Грааля. Королём, чьё королевство состояло из одних лишь зеркал, отражающих только его профиль. Его доспехи были скроены не из стали, а из тончайших намёков, выверенных циркулем эстетики. Его щитом служила безупречная репутация, а мечом – отточенное до блеска слово.

Его страх нельзя было назвать простым, так как это не был вульгарный животный ужас, а было что-то вроде изысканной душевной аллодинии, когда даже лёгкое дуновение обыденности причиняло боль. Он панически боялся банальности. Раствориться в серой массе «как все», вот что для него было хуже смерти. Страшнее яда было встретить в глазах собеседника скучающую рассеянность. А самое леденящее кровь обнаружить полное, абсолютное безразличие, тот самый взгляд, что скользит по тебе, как по узору на обоях, не задерживаясь ни на миг. Оказаться фоном, декорацией, статистически незначимой единицей – это было для Лиамы самой изощрённой пыткой.

И потому он возвёл неприступный и прекрасный «собор» имени самого себя. Каждый кирпичик в этой постройке был тщательно отобран и уложен с филигранной точностью. Его шутки никогда не были спонтанными; они рождались в тишине кабинета, как стратегические ходы, и прибегались для нужного момента, чтобы поразить точно в цель. Каждый жест, от легчайшего взмаха руки до наклона головы, был отрепетирован перед зеркалом души и выверен до микрона – чтобы передать ровно столько, сколько нужно, и ни капель больше. Его любовная лирика была подобна высокоточным крылатым ракетам: они летели по идеальной траектории, взрывались в сердце слушателя ослепительным фейерверком метафор, вызывая

восторг и восхищение, но не оставляли после себя подлинного чувства. Они были стерильны. Безупречны.

Вокруг этого сияющего собора всегда кружила свита – люди, а точнее спутники планеты на стационарной орбите. Они отражали его свет, подхватывали его остроты, вздыхали под его баллады. Он флиртовал с лёгкостью мастера фехтования, наносил неопасные, но эффектные уколы комплиментов. Он сыпал эпиграммами, как конфетти, создавая вокруг себя непрекращающийся, шумный, красочный карнавал. Со стороны это выглядело как бушующая, красивая жизнь, полная восторгов и обожания.

Но когда опускалась ночь и последний из гостей уходил, прикрыв за собой дверь с тихим, почти виноватым щелчком, Лиам оставался один в своей квартире. Здесь все было выдержано в идеальной эстетике: ни одна вещь не нарушала гармонию линий, даже пыль, казалось, знала своё место и ложилась ровным, почти церемониальным слоем на полированные поверхности. И в этой безупречной тишине, где единственным звуком было тиканье дорогих часов, отсчитывающих безупречные секунды, его накрывало волной леденящего, абсолютного ужаса.

Тишина обретала голос, и этот голос шептал мучительные вопросы, от которых не было спасения за красивыми фасадами:

«А что, если всё это – лишь иллюзия? Что если ты, Лиам, всего лишь изумительно оформленная обложка, под которой – пустые страницы? Или, что ещё хуже, страницы, исписанные чужими цитатами, аккуратно переписанными и выданными за свои? Что если твоя душа – не бездонный колодец вдохновения, а лишь эхо-камера, где гулко и с опозданием повторяются отзвуки чужих страстей, чужих страданий, чужих, давно заезженных мотивов? Ты – не автор. Ты – тамада на чужом пиру. Диктор, зачитывающий текст, написанный кем-то другим. И рано или поздно кто-то это поймёт. Кто-то услышит фальшь в этом идеальном эхе. И тогда на тебя посмотрят тем самым взглядом – скучающим, разочарованным, равнодушным. И твой собор рассыплется в пыль от одного такого взгляда».

И он лежал, глядя в идеальный потолок, чувствуя, как холод пустоты просачивается сквозь трещинки в его доспехах, и молился лишь об одном – чтобы карнавал никогда не заканчивался, чтобы музыка не умолкала, чтобы ему никогда не пришлось оставаться наедине с тишиной, которая знала о нём страшную правду.

И вот однажды, как часто Боги шутят с нами этим словом, в отлаженную механику его существования кто-то подбросил песчинку не из этого мира. В его жизни появилась Агата.

Позже, много позже, он и его поредевшая, но обновлённая свита будут называть её Агата-Водораздел. Не за фамилию, а по титулу, присвоенному задним числом. Потому что с её появлением течение жизни Лиам не просто изменило русло – оно наткнулось на скалу, раскололось надвое, и всё, что было «до», осталось по одну сторону, а «после» лежал по другую. Она была той самой скалой.

Она появилась в дверях кафе «Зевотная Бездна» в тот самый момент, когда Лиам, стоя на низкой, подсвеченной сиреневым светом сцене, выводил заключительную часть своего нового сонета. Тема была изысканно-метафизической: «о перезвоне хрустальных сфер в ледяной пустоте одинокой души». Он вложил в строки всё своё мастерство – игру аллитераций, алмазную огранку эпитетов, безупречный, чуть замедленный ритм, рождавший ощущение величественного, вселенского одиночества.

Зал – привычный коктейль из преданных поклонниц, коллег-стихотворцев, ждущих повода для зависти, и светских искателей культурных трофеев – замер. Это была хорошая, качественная тишина, полная благоговения. Последнее слово отзвучало и повисло в дыму ароматических свечей и кофе. Пауза трепетала одухотворенным восторгом. И тут случился взрыв оваций, именно что взрыв, но изысканных, правильно модулированных аплодисментов, тот самый звук, который был музыкой для его ушей и радостью для его души.

И сквозь этот густой, самодовольный гул, будто кто-то прочертил по бархату острым гвоздём, прозвучал голос. Негромкий, но обладающий странной проникающей силой, лишённый всякой театральности:

– Забавно. У меня дома такой же перезвон стоит, когда кошка задевает люстру. Эта кошка, засранка, всегда скачет.

Тишина наступила мгновенно и стала абсолютной, физически ощутимой, как внезапный вакуум. Аплодисменты оборвались на полуслове. Лиам, ещё не вышедший из образа Великого Меланхолика, непроизвольно повернул голову на звук ее голоса.

Она стояла у барной стойки, ни капли не смущённая внезапной тишиной, сосредоточенная на том, чтобы снять с плеча тонкий чёрный плащ. Темноволосая. Волосы не уложенные в причёску, а просто живые, падающие как придётся. Стройная не балетной, а какой-то клинковой стройностью – острой, целеустремлённой. В её движениях, в том, как она бросила плащ на стул, небрежно поправила прядь, была какая-то лёгкая, врождённая уверенность. Словно законы гравитации, обязывающие всех остальных ходить ровно, и неписанные законы хорошего тона, велящие хранить благоговейную тишину после сонета, были для неё не более чем скучные рекомендации, которые можно проигнорировать без малейших последствий.

Она подняла глаза и встретилась с его взглядом. И в её взгляде было спокойное, почти аналитическое любопытство. Так рассматривают очень сложный, дорогой, но слегка нелепый механизм, задаваясь вопросом: «И для чего это, собственно мне нужно?»

Так случился водораздел. По одну его сторону остался его безупречный сонет, его аплодисменты, его привычный мир, где всё было под контролем. По другую – стояла неожиданно притягательная она. Агата. С её кошкой, люстрой и убийственно простой, сводящей космос к быту, логикой. И тишина в «Зевотной Бездне» загустела, как неправильно заваренный кисель, публика в зале ждала, куда же потечёт река дальше.

Лиам, всё ещё стоя на сцене под сиреневым светом, почувствовал, как его идеально выстроенная реальность дала крен. Он видел, как по залу пробежал шёпоток, как его свита на передних рядах обернулась с немым вопросом и осуждением на лицах.

И тогда она решила его добить. Не дожидаясь, пока ситуация как-то разрешится сама, она порывисто шагнула от стойки к сцене. Движение было не агрессивным, а... исследовательским. Как подходят к необычной скульптуре в музее, чтобы разглядеть её со всех сторон. Остановившись у самого края помоста, она подняла на него взгляд. Её карие глаза в этом свете казались совсем тёмными, почти бездонными.

– Лиам? – спросила она, и в её голосе прозвучала не просьба уточнить, а лёгкая, почти игровая издевка. Словно она спрашивала: «Ты и есть тот самый артефакт?»

Он кивнул, собрав остатки своего величия в тугой узел. «Мисс...?» – начал он, намереваясь взять инициативу.

Но она перехватила её, не представившись.

– Стихи твои безупречны, – заявила она, и слова её прозвучали как бесспорный факт. – Прямо как стерильный хирургический скальпель. Блестит. Холодит. Режет ровно по намеченной линии. Интересно, – она слегка склонила голову набок, и в уголке её рта дрогнула тень улыбки, – ты им когда-нибудь что-нибудь живое резал? Или только вскрываешь томики классиков, чтобы полюбоваться на чужую, давно истлевшую анатомию?

В зале кто-то ахнул. Это был прямой вызов, не грубый – изысканный, но вызов. Как перчатка, брошенная не в лицо, а положенная рядом с бокалом.

Лиам почувствовал знакомый холодок внутри. Угроза. Значит, игра. Его мозг лихорадочно перебрал возможные ответы из арсенала. Он позволил себе улыбнуться. Не широко, а именно той знаменитой улыбкой «заинтересованная снисходительность», где один уголок губ поднимался чуть выше другого, а в глазах теплится намёк на снисхождение к дерзости смертного.

– Критика, – произнёс он, делая небольшую паузу для эффекта, – тоже искусство. Сложное, требующее вкуса и... такта. Жаль, что не все, кто берётся за скальпель, владеют его тонкостями. Можно и пациента задеть.

Он сделал лёгкий жест рукой, как бы отстраняя невидимую грубость. Зал одобрительно загудел. Победа. Парировано.

Но Агата не отступила. Напротив, её глаза заблестели азартно, будто она только этого и ждала. Она небрежно, почти кокетливо, откинула чёрную прядь волос, упавшую на щёку.

– О, я не критикую, – парировала она с лёгкой, насмешливой интонацией. – Боже упаси. Я всего лишь констатирую наблюдаемые явления. Видишь ли, – она сделала шаг вдоль сцены, рассматривая его теперь как экспонат под другим углом, – ты производишь впечатление человека, который потратил всю жизнь, чтобы научиться виртуозно жонглировать хрустальными шарами. Очень красиво. Очень сложно. Зрители в восторге. Но вот что меня занимает... – она приостановилась, поймав его взгляд. – Похоже, ты так ни разу и не наклонился, чтобы поднять с земли обычный, шершавый, грязный, живой камень. Вопрос: ты боишься испачкать эти безупречные перчатки? Или... – её голос стал тише, почти интимным, но от этого ещё более колким, – ты просто не имеешь ни малейшего понятия, что с ним можно делать, кроме как бросить обратно?

Она говорила колко, саркастично, но в её тоне не было ни капли злобы. Была абсолютная, почти физическая свобода и какое-то жадное любопытство. Она не пыталась его впечатлить своей эрудицией или обольстить намёками. Нет. Она его рассматривала. Разбирала на составляющие, встряхивала, как странный механизм, чтобы услышать, что там гремит внутри. И в этом её взгляде не было ни капли обожания его позолоты и ни грамма скуки. Был жёсткий, умный, невероятно живой интерес. Интерес не к мифу, а к тому, что – или кто – скрывается под ним.

И Лиам, к своему собственному изумлению, почувствовал, как под прицелом этого взгляда его снисходительная улыбка начала гаснуть. Его «победа» вдруг показалась пустой и детской. Она предложила ему не дуэль, а гораздо более опасную вещь – игру, правил которой он не знал, где его главное оружие – безупречность – оказалось бесполезным. И это было... чертовски интересно.

С этого всё и началось. Агата ворвалась в его жизнь, как сквозняк в герметичную комнату. Она высмеивала его самые изящные метафоры, называя их «словесным конфетти». Она могла промолчать, когда он выдавал свою коронную шутку, а через минуту расхохотаться над уличной собакой, философски выкусывающей блох. Или выслушав балладу «о героях штурмующих небесный свод», сказать «я всю попу отсидела, пока ты добрался до финала». Она не играла по его правилам. Она их игнорировала.

И Лиам, к собственному ужасу, почувствовал, что его страх меняет форму. Теперь он боялся не её безразличия – его-то как раз не было. Он боялся, что её острый, насмешливый ум видит ту самую пустоту, банальность, не-уникальность под полированной поверхностью его фасада. И однажды, после того как она назвала его новое стихотворение «технически безупречным некрологом по несуществующему чувству», его терпение лопнуло.

– Что ты хочешь от меня?! – вырвалось у него, и в голосе впервые зазвучала не отрепетированная, а живая хрипотца. – Грубых, сырых, нескладных чувств? Размазанных по бумаге, как дешёвое сладкое варенье? Чтобы я, как все, ныл о любви и одиночестве? Это банально! Это скучно!

Агата посмотрела на него. И в этот раз ирония в её глазах растаяла.

– Лиам, – сказала она тихо. – Банально и скучно – это как раз твой идеальный сонет о хрустальных сферах. Его уже написали. Тысячу раз. А вот твой страх, твоя злость, эта твоя паника прямо сейчас – вот это уникально. Это только твоё. И это чертовски интересно. Гораздо интереснее, чем вся твоя позолота.

Она положила перед ним на стол неказистый камень, подобранный у реки. Он был шероховатый, несимметричный, с прожилками.

– Попробуй про этот камень. Жонглировать им не получится, зато можно проломить голову или построить дом.

В ту ночь Лиам не писал стихов. Он сидел в своей безупречной квартире, держа в руках тот самый грязный, живой камень. И впервые за долгие годы он чувствовал не ужас пустоты, а странное, щемящее желание. Желание быть не идеальным, а настоящим. Даже если настоящий он окажется неуклюжим, скучным, злым или растерянным. Даже если он не будет нравиться всем подряд.

Следующий поэтический вечер в «Зевотной Бездне» был окутан необычным предчувствием. Шёпот в зале был не предвкушающим, а настороженным. Говорили, что Лиам готовит нечто... неожиданное. Его свита, та самая, что привыкла к отлаженному ритуалу, собралась на привычных местах в первом ряду, но в их улыбках читалась лёгкая тревога. Они были гурманами, а не исследователями, и любое отклонение от меню их пугало.

Когда ведущий объявил его имя, на сцену вышел Лиам. Исчез плащ, струившийся за ним, как театральный занавес. Не было и намёка на безупречный крой. На нём была просто белая рубашка, хорошего качества, но явно помятая – не по небрежности, а как будто её мяти в кулаке в раздумьях. Рукава были закатаны до локтей, обнажая предплечья. Он вышел не походкой шествующего монарха, а просто шагнул к микрофону, как человек, собирающийся с духом перед прыжком в холодную воду.

В зале воцарилась тишина, пустота, наполненная сотней затаённых дыханий.

Он не стал говорить вступительное приветствие, просто посмотрел поверх голов, куда-то в пространство над дверью, и начал. Голос его был лишён привычной бархатной обёртки. Он звучал немного глухо, с хрипотцой, будто от долгого молчания.

И это был не сонет. Звучали не идеально подобранные ямбы, а тяжеловатые, спотыкающиеся, честные дактили. Стихотворение не было о вселенских пустотах и хрустальных сферах. Оно было о страхе. О том, что ты – лишь золотой тиснёный переплёт, за которым скрываются пустые, пожелтевшие страницы. Что твоё имя на корешке – всего лишь набор красивых букв, не ведущий ни к какому содержанию. Что внутри нет ни истории, ни стихов, ни боли, ни восторга – только пыль и запах клея. Он говорил о панике, когда видишь своё отражение и понимаешь, что за ним – никого, что этот ужас невозможно упаковать в элегантную метафору, его можно только выкрикнуть.

Это было сыро. Неуклюже. Местами нарочито коряво, будто он намеренно ломал строку, чтобы не дать ей стать красивой. В нём не было ни грамма его привычного изящества.

В зале повисло не изысканное молчание одобрения, а напряжённая, густая тишина непонимания и шока. Это был провал. Явный и оглушительный. Лица его свиты застыли в масках вежливого недоумения, граничащего с отвращением. «Что это? Где наш Лиам? Это какая-то... исповедь. Это неприлично».

И в эту гробовую тишину, резко и неудержимо, врезался звук.

Сначала это был оглушительный, чистый, почти радостный смех, полновесный, жизнеутверждающий хохот Агаты, сидевшей за столиком у дальней стены. Она смеялась, откинув голову, и этот смех звучал как победный гимн, как аплодисменты самой жизни этой неловкой, выстраданной честности.

Затем – хлопок. Один. Громкий, отчётливый, как выстрел. Она не хлопала в ладоши, а шлёпала ладонью по столешнице, с силой. Потом второй. Третий.

Этот звук, прозвучавший в мёртвой тишине, был подобно сбросу какого-то предохранителя в зале. Кто-то неуверенно присоединился. Потом ещё один, не из свиты, а из задних рядов – молодой человек в очках, который слушал, широко раскрыв глаза. Потом ещё. Апло-

дисменты не стали бурными и всеобщими. Они были разрозненными, но искренними. Это были не овации артисту, а скорее жесты солидарности.

Когда Лиам сошёл со сцены, его привычное облако обожания заметно поредело. Несколько знакомых лиц избегали его взгляда, кто-то исчез, не дожидаясь конца. Им было непонятно. Они пришли за сверкающим фейерверком, а получили горсть влажной живой земли. Но ушли не все. К нему, пока он стоял у барной стойки, глядя в стакан с водой как в омут, начали подходить другие люди.

Не те, кто хотел получить автограф или сказать «как вы прекрасны». Они подходили и молча пожимали его руку или с короткой фразой:

«У меня тоже бывает такое чувство про пустые страницы».

«Про камень... это было сильно».

«Спасибо, что сказал это вслух».

Они не были поклонниками. Они были собеседниками. Их лица не сияли обожанием, а отражали собственные трещины и сомнения. Они как будто несли в карманах свои собственные, шершавые и неудобные камни, и сейчас впервые решались показать их краешек, в знак того, что поняли. Что приняли правила новой, неидеальной, но настоящей метафоры.

А Агата оставалась за своим столиком, доедая кусочек чизкейка. Она больше не хлопала и не смеялась. Она просто смотрела на него через зал, и в её тёмных глазах не светился триумф, а глубокое, беззвучное: «Ну вот. Видишь? Это и есть первый шаг. Не в сияющий замок, а в общий, неуютный, но живой дом».

Разумеется Лиам так и не стал «как все», это было бы слишком фальшиво. Он просто перестал бояться признаться в неидеальности. Он обнаружил, что уникальность – это не сияющий пьедестал, на котором ты один. На котором кстати так ветрено, холодно и одиноко. Это неповторимый, одновременно уродливый и прекрасный шрам на твоей собственной душе, который ты наконец-то разрешаешь кому-то увидеть. А Агата-Водораздел теперь сидела в первом ряду, с саркастической ухмылкой, но в глазах у неё горел тот самый, небанальный, живой огонь, ради которого и стоит рискнуть разбить все свои хрустальные сферы в дребезги.

О Выборе Поно

В городе, где бюрократия была не просто службой, а самой древней и надёжной разновидностью магии низких порядков, а каждое мало-мальски значимое решение должно было быть отражено в трёх экземплярах (один – для исполнения, второй – для отчёта, а третий, на бумаге ручного чернения, – для Архива Городских Снов), жил и служил Поно.

Местом его службы была Ратуша, а точнее – её сокровенная, тихая утроба: Отдел Учёта Засоров Фантазии и Протокольных Кривотолков. Здесь классифицировали пыль с крыльев пролетавших мимо ангелов, сортировали по степени вредности неконтролируемые метафоры и оформляли пропуска для блуждающих по улицам намёков. Мир Поно был безупречно структурирован. Он был соткан из вертикалей и горизонталей, как листы его любимой, идеально белой миллиметровой бумаги, где любая точка могла быть однозначно определена парой чисел. Его мысли двигались по утверждённым маршрутам, как трамваи по рельсам. Он находил глубокое, почти эстетическое удовольствие в ясности: если Параграф 7, Подпункт «В», то действие «Г» с последующим заполнением Формы №12.

Но под этой безупречной, отутюженной поверхностью его бытия пульсировал страх. Не громкий, не истеричный, а фундаментальный, как гравитация. Он не боялся темноты – тьму можно осветить фонарём по инструкции №45\б. Не боялся высоты – от неё страхуют правила техники безопасности. Его страх был тоньше и страшнее. Это был Страх Ошибки. Страх Невозможности Сделать Единственно Правильный Выбор.

В его вселенной существовала дихотомия: «Правильно» и «Ложно». Промежуточных состояний не было. «Примерно», «возможно», «наверное» – это были не слова, а зияющие пустоты, чёрные дыры, куда проваливался смысл. Каждый выбор – от «какой путь до булочной короче» до «какой гриф поставить на документе» – был для него испытанием. Он мысленно выстраивал таблицы, взвешивал «за» и «против», искал прецеденты в архивах памяти. А если инструкции не находилось – его охватывал тихий, леденящий ужас. Он замирал, как механизм с застрявшей шестерёнкой, боясь сделать шаг, потому что шаг в неизвестность с огромной вероятностью мог оказаться шагом в пропасть «Неправильно – ложно».

И из этого страха, как ядовитый побег, произрастал второй – Страх Собственной Неадекватности. А что если он, при всей своей фанатичной старательности, внутренне, органически не соответствует этой безупречной системе правил? Что если в самой его душевной прошивке есть фатальный баг, который рано или поздно заставит его выбрать «Неправильно» там, где любой другой, нормальный человек, увидит очевидное «Правильно»? Что если он – бракованная деталь в отлаженном механизме мироздания, и его неизбежно отторгнут, выбросят на свалку негодных клерков?

Этот страх был настолько глубоким и постыдным, что Поно даже не формулировал его для себя. Он просто знал это на клеточном уровне. Поэтому его жизнь стала непрерывным, изматывающим экзаменом. Мир превратился в минное поле, где каждая тропинка могла взорваться ошибкой, а единственным безопасным проходом была инструкция – чёткая, проверенная, одобренная свыше. Его мантрами стали: «Скажите, как правильно?», «Дайте рецепт», «А как принято?». Эти фразы были не просто словами. Это были спасательные круги, которые он в панике бросал в бушующее море возможностей, жадно хватая тот, что казался самым указующим. Без этой внешней, авторитетной опоры он чувствовал себя потерянным, ничтожным и обречённым на провал. Его худощавое тело, его слишком прямая осанка – всё это было не просто особенностью его фигуры, а воплощённой мольбой о чёткости, криком души, жаждающей, чтобы кто-то наконец вручил подробную, с иллюстрациями, карту этой непонятной и слишком уж запутанной жизни.

Он носил костюм цвета утреннего тумана, что по понедельникам возникал над канцелярским столом. Никаких ярких галстуков, узоров, булавок. Его худощавое тело было вытянуто в струнку, будто его самого выправили по линейке и закрепили невидимыми скрепками. Он говорил мало, вполголоса, и главной его молитвой были фразы: «Так принято», «так должно быть», «так правильно» и эти формулы были для него аксиомами праведной жизни.

Однажды на его стол легло Дело №447/6-МР – «О классификации и маршрутизации Потерянного Вздоха». Обычная рутина. Нужно было определить, к какому виду эмоциональных осадков относится вздох (к «Туманностям Сожаления» или к «Легким бризам Ностальгии»), и прописать для него рекомендуемый путь утилизации: через вентиляционные шахты поэзии или в коллекторы городских подземных вод. Но в папке, среди отчётных бланков, лежал не протокол, а предмет. Маленькая, изящная перламутровая пуговица в форме капли. И, о ужас, она не была учтена, не была внесена в опись. Она просто была. И это нарушало Всё.

Поно замер, и мир вокруг него внезапно потерял свою кристаллическую чёткость. Его внутренние алгоритмы, обычно бесшумно перемалывающие реальность в аккуратные колонки и строки, зависли намертво, издав тихий, высокий писк системной ошибки. Взгляд его упал на перламутровый овал, лежащий среди казённых бумаг, и в сознании немедленно вспыхнули противоречащие друг другу протоколы. Что делать с пуговицей? Положить в стандартный серый конверт с грифом «Посторонние предметы»? Но это было кощунством. В таких конвертах лежала безликая шелуха бытия: обломки скрепок, крупинки засохшего клея, пыль, утратившая связь со своей вещью. А эта пуговица... она была «целой» и какой-то значимой что ли. В её переливчатом блеске угадывалась история – обрывок от платья, быть может, оторванный в порыве страсти или небрежности. Она была не предметом, а событием, законсервированным в перламутре. Такую вещь нельзя просто списать в утиль.

Мысль метнулась к следующему регламенту: Камера хранения неклассифицированных артефактов в подвале. Но это потребовало бы заполнения Формы 7-Г («Акт о принятии на временное депозитарное хранение объекта, не подлежащего немедленной категоризации»). И вот здесь мысль Поно наткнулась на глухую стену. В графе «Наименование объекта» что писать? «Пуговица»? Слишком примитивно, не отражает сути. «Артефакт перламутровый, предположительно от элемента гардероба»? Расплывчато и ненаучно. В графе «Основание для хране-

ния» – полная пустота. Нет циркуляра, нет ссылки на вышестоящее распоряжение. Форма 7-Г отказывалась принимать в свои жёсткие рамки эту маленькую, совершенную аномалию.

И тогда на него обрушился Выбор. Не между «А» и «Б» из инструкции, а между бездной возможностей, каждая из которых была одинаково неправильной, потому что ни одна не была санкционирована. Это был чистый, неразбавленный хаос, прорвавшийся непонятными чувствами сквозь брешь в его бумажной вселенной. Его пальцы, эти идеальные инструменты для проставления галочек и подчёркиваний, задрожали мелкой, предательской дрожью. Он сжал их в кулаки, но дрожь передалась запястьям, пробежала холодными мурашками по предплечьям. Он чувствовал, как почва уходит из-под ног, и под ней – не твердь устава, а зияющая, бездонная пустота личной ответственности, где не на что опереться и нечего цитировать в своё оправдание.

В панике он пошёл за советом. К начальнику отдела, который пожал плечами: «Решайте сами, Поно, это же ерунда». К архивариусу тот пробурчал: «Похожа на слезу русалки, но мы русалок не учитываем с прошлого квартала». Каждый сказал своё, и их мнения противоречили друг другу. Пропасть выбора разверзлась перед Поно шире, затягивая его в пучину паники. Он провёл за столом три дня, глядя на пуговицу. Он боялся ошибиться так сильно, что предпочёл бездействие, хоть это его и тяготило.

На четвёртый день его тихих, но изнурительных мучений, когда тень от пуговицы на столе уже казалась ему глубже и чернее самой вещи, начальник отдела, мимоходом шлёпнув по столу папкой, бросил: «Поно, а вас-то нам и нужно. Сбегайте в „Ателье Люссело“ что в переулке Ткацких Снов. Вручите хозяйке уведомление о плановой проверке вентиляционных ходов. Под расписку». И сунул ему в руки конверт из плотной, казённой бумаги.

Это поручение было не спасением, а новым видом пытки. Оно требовало оторваться от нерешённой задачи, совершить акт дезертирства. Он шёл по булыжной мостовой, зажав в руке конверт так крепко, что бумага промялась, и чувствовал себя предателем. Он бросил на столе ту самую перламутровую аномалию, нерешённый ребус, который теперь лежал без присмотра, как неразорвавшийся снаряд в центре его безупречной вселенной. Каждый его шаг отдавался в сознании гулким эхом: «Ты сбежал. Ты не справился. Ты оставил проблему, а значит, допустил хаос. Это уже ошибка. Ты уже ошибаешься». Мысль о том, что за время его отсутствия с пуговицей может что-то случиться (её украдут, её случайно смахнут в урну, она просто исчезнет, не оставив и следа в отчётности), заставляла его сердце биться чаще. Он нёс не просто бумажку. Он нёс на себе груз собственной несостоятельности, и конверт в его руке жёг ладонь, как доказательство вины.

Ателье «Люссело» обрушилось на Поно не как помещение, а как стихийное бедствие. Его встретила плотная, многослойная волна запахов: сладковатый воск утюгов, пыльная сладость старых тканей, терпкая горчинка дорогих духов и – что-то ещё. Что-то острое, колющее, похожее на запах уязвленной гордости. Воздух здесь был не для дыхания, а для ощущений, и Поно на мгновение задохнулся.

И там, в этом хаосе лоскутов, блестящих ножниц и безголовых манекенов, застывших в немых, драматических позах, он увидел её. Дору Люссело. Она не просто разговаривала с клиенткой – она правила маленьким театром на троих, где третьим был воздух, разрезаемый её жестами. Её руки, украшенные перстнями, взлетали, кружились, падали, очерчивая в пространстве несуществующие выточки, фалды, шлейфы. Это был танец без музыки, где мелодией был её голос – бархатный, чуть хриловатый, способный на стремительные скороговорки и томные растягивания слов.

На ней было платье. Хотя назвать его просто «платьем» было бы кощунством. Это был перформанс из шёлка. Цвет – будто в самой дорогой ювелирной лавке города взорвали витрину с гранатами, рубинами и розовым золотом, и всё это сплавилось в единый, ослепительный каскад малинового, алого и золотого. Платье жило своей жизнью, переливаясь при

каждом её движении. Она откинула голову и засмеялась – и этот смех ударил Поно по барабанным перепонкам. Он был похож на звон идеально чистых хрустальных бокалов, которые нарочно, с вызовом, разбивают об каменный пол, чтобы осколки принесли удачу. Это был смех, отрицающий тишину, осторожность и все мыслимые протоколы.

Поно стоял на пороге, ошеломлённый, как если бы его, жителя чёрно-белой гравюры, внезапно бросили внутрь картины, написанной маслом сумасшедшего гения эпохи ренессанса. Его внутренний диктор, обычно безостановочно комментировавший происходящее, замолчал, подавленный масштабом зрелища. Он машинально протянул вперёд руку с конвертом, будто это был не документ, а белый флаг перед лицом неконтролируемой энергии эмоций.

Дора, не прерывая плавной тирады о преимуществах тафты перед муаром, одним движением, похожим на фехтовальный выпад, выхватила конверт из его пальцев. Не взглянув, она швырнула его на прилавок, где тот приземлился рядом с катушками шёлковых ниток. И только тогда её взгляд – быстрый, оценивающий скользнул по нему. Он прошёлся по его строгому, серому, словно выкроенному по лекалам для гробов, костюму. По его идеально завязанному, но убийственно скучному галстуку. По его лицу, которое в этот момент напоминало невыразительную маску служебного рвения, вылепленную из теста и забытую. В её глазах мелькнуло нечто – не интерес, не презрение, а мимолётное раздражение от столкновения с чем-то настолько... нефункционально унылым. Как если бы среди её роскошных тканей вдруг оказался кусок дерюги. И этот взгляд, длящийся долю секунды, успел причинить Поно почти физическую боль. Не потому что был жестоким. А потому что был честным. И эта честность была страшнее любой его внутренней ошибки.

– О, ратуша заботится о нашем дыхании? – сказала Дора, и в её голосе звучала лёгкая, незлая насмешка. – Какая трогательность. А вы не могли бы, голубчик, передать вашим, что вентиляция у нас в порядке, а вот циркуляция идей явно хромает. Им бы инструкцию на эту тему составить.

Обычно Поно вздрогнул бы от такой непротокольной дерзости. Но сейчас он смотрел на неё, и в его голове, вместо привычных параграфов, начало происходить что-то странное. Он увидел, что она творит без инструкции. Она брала кусок ткани и, кажется, вообще не знала, что из него получится. Она рисковала ошибиться с каждым взмахом ножниц. И это её не парализовало, а заставляло сиять.

И тут он понял. Прозрение пришло как удар молнии в сухую, выжженную солнцем равнину пустыни его души. Внезапная, ослепительная вспышка осветила всё, и он увидел простую, ужасающую истину.

Он боялся не ошибки. Он боялся Жизни.

Потому что жизнь – это и был тот самый «Потерянный Вздых» без номера и описи. Это была перламутровая пуговица, затесавшаяся в папку с казёнными документами. Её нельзя было правильно классифицировать по существующим регламентам. Её нельзя было внести в журнал, оценить по тарифной сетке или снабдить исходящим номером. Её нельзя было «сделать правильно». Её можно было только взять в руку. Почувствовать её прохладную, обтекаемую форму. Ощутить, как свет скользит по её перламутровым слоям, открывая новые оттенки. И положить в карман. Просто так. Без акта приёма-передачи. Без заполнения Формы 7-Г. Без разрешающей визы начальника. Это был акт чистого, ничем не обусловленного выбора. И, возможно, это и было единственно правильным действием.

В его голове, где обычно стоял гулкий звон тревоги, воцарилась странная, звенящая тишина. И из этой тишины, прежде чем успели зашевелиться страх и сомнения, родились слова. Его собственный голос прозвучал в пространстве ателье неожиданно твёрдо, перекрывая бархатный поток речи хозяйки.

– Сударыня, – сказал он, и его голос не дрогнул. – Вы упомянули о циркуляции идей. По этому вопросу... я мог бы провести предварительную консультацию. Неофициальную. Дело

в том, – он сделал маленькую паузу, будто перешагивая через невидимый порог, – что у меня на рассмотрении в настоящее время находится один неклассифицированный объект. Совершенно неординарный. Требующий... экспертной оценки человека с незаурядным вкусом.

Он закончил. В воздухе повисло молчание, настолько плотное, что в нём было слышно жужжание мухи, запутавшейся в паутине у окна.

Дора медленно, как актриса, повернула к нему голову. Она подняла тонкие, выщипанные в идеальную дугу брови. В её глазах, которые секунду назад отражали лишь скуку, мелькнуло живое, острое любопытство. Взгляд скользнул по его скованному лицу, по его вцепившимся в портфель пальцам, пытаясь разгадать эту загадку: робость осанки и внезапная дерзость слов. Это был интерес не к нему, а к противоречию, которое он собой внезапно явил.

– Объект? – протянула она, и в её голосе зазвучала лёгкая, играющая нотка. – Интригуете, голубчик. Не каждый день клерк из ратуши предлагает консультации по неклассифицированным объектам. Папки с секретными чертежами городской канализации, что ли?

Она изучающе посмотрела на него, и уголок её губ дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

– Ну что ж, – махнула она рукой с таким размахом, будто отбрасывала ненужный лоскут. – Будь по-вашему. Заходите завтра. После восьми. Лавка уже будет закрыта для посторонних. – Её взгляд снова, как раскалённая игла, прошёлся по его костюму. – Только, ради всего святого, явитесь не в этом сером административном мешке. Вы в нём выглядите, как оживший протокол о нарушении кладбищенской тишины. Уныло, официально и окончательно.

Он замер. Все его внутренние инструкции, все натренированные алгоритмы взвыли в унисон: «Неверный формат взаимодействия! Нарушение субординации! Непредусмотренный регламентом визит!». Голос страха зашептал: «Она смеётся над тобой. Это ловушка. Ты опозоришься».

Но было уже поздно. Молния прожгла пустыню. И там, где раньше была лишь пыль правил, теперь что-то тёплое, живое и невероятно пугающее пробивалось на свет. Это «что-то» не давало ему отвернуться, извиниться и сбежать. Оно заставило его мышцы шеи напрячься. Заставило его голову, вопреки всему, сделать короткий, чёткий кивок.

Он не сказал «хорошо». Не сказал «будет исполнено». Он просто кивнул. Это был его первый, самый маленький, но абсолютно личный выбор, не имеющий аналогов в архивах. И в тот момент, когда он это сделал, перламутровая пуговица оставшаяся на его столе, казалось, на мгновение засветилась, но этого никто в Ратуше не заметил.

По дороге назад Поно не думал о пуговице. Он думал о завтра. О том, что придётся выбрать между чёрным и зелёным чаем, между бесконечным количеством оттенков её внимания и равнодушия. Страх сжал его горло, но был уже иным. У него появилась цель, узкая, тревожная, но живая цель возможности.

Вернувшись в кабинет, он подошёл к столу. Перламутровая пуговица лежала там, где он её оставил. Он взял её. Не для того, чтобы положить в конверт. А просто взял. Положил в карман жилета. Нарушил все правила хранения вещественных доказательств. Сердце его бешено колотилось, как будто он совершил ограбление.

Поно не избавился от страха. Он просто впервые выбрал что-то, помимо страха. Выбрал завтрашний визит. Выбрал эту пуговицу как пропуск в мир, где правила писали не в ратуше, а на лету, золотыми нитями на дорогой ткани. И этот первый, крошечный, неверный с точки зрения всех инструкций выбор, пах надеждой. И странным, неучтённым ароматом дорогих духов и свободы, которую он, Поно, только что, сам того не зная, впустил в свою жизнь через потайную дверцу собственного сердца, в обход страха.

О плите, на которой никогда не готовили для себя

В городе, где у библиотек были мансарды для недописанных романов, а в парках росли сновидения, привитые к ветвям яблонь, жила женщина по имени Юлия. Не Юля – это было бы слишком фамильярно, и не Юлиана – слишком торжественно и вычурно. Просто Юлия, как аккуратная, без завитушек подпись.

Она была миловидна и мягка, как теплая булка с изюмом, только что вынутая из печи. Её формы не были точеными, но легкая полнота согревала глаза видящих. Она носила цвета выгоревшей на солнце шерсти, молочного неба перед рассветом, мха на северной стороне камня – оттенки, которые не спорят с миром, а тихо в него встраиваются. Её украшением была чистота манжет и едва уловимый запах печеных яблок, который, казалось, шёл не от ее духов, а от самой её души.

Юлия была «Великой Матерью» своего маленького мира, т. е. нашего города. Она поила чаем с четырьмя видами мёда Павлика соседа-астматика, выгуливала собак всей округи, редактировала диссертации начинающему Учёному, а по вечерам шила для чужих детей платья куклам. Её дом был уютной гаванью, где каждый мог найти приют, совет и пирог с брусникой с чашкой ароматного чая на травах. Но в этом доме была одна особенность. Вернее, она была его молчаливым алтарём, часовней запретного чувства и центром гравитации всей её вселенной. Этой особенностью была плита.

Не просто плита, а массивный, шестиконфорочный остров из белой эмали с синими узорами – реликвия, доставшаяся ей еще от бабушки. Она стояла в центре кухни, как тёплое, сонное божество, исправно принимающее жертвоприношения. Пять его ликов – пять конфорок – сияли от частого использования. Их синие круги были слегка выцветшими от жара, эмаль вокруг покрыта сеткой едва заметных трещинок-паутинок, как лицо от частых улыбок. На них кипела жизнь: на первой булькало что-то золотистое и наваристое для соседа с ангиной, на второй плавился шоколад для школьной ярмарки (Юлия отвечала за «сладкий стол»), на третьей подогревалось молоко с мёдом для кошки Маркизы, которая после падения с антресолей нуждалась в реабилитации, на четвёртой томилось варенье из абрикосов, которое потом расфасуют

по баночкам «просто так» для знакомых, на пятой всегда стоял чайник, готовый в любой миг зашипеть для неожиданного гостя.

А вот шестая. Крайняя левая была иной. Совершенно новой в своей девственной нетроутости, так повелось еще от бабушки. Синий круг конфорки был глубоким, ясным, как гладь горного озера, на которое никогда не падала тень птицы и не касалась рябь. На ней не было ни одной микротрещинки, ни одного пятнышка масла, ни малейшей дымки от жара. Она отражала свет кухонной лампы с холодной, безупречной точностью. Над ней, на медном крючке, который от неиспользования даже не покрывлся благородной патиной, не висело ничего. Ни любимой сковородки, ни маленького ковшика для какао. Пустота под ним зияла тихим, почти священным укором.

Это и был страх Юлии. Не абстрактный, а воплощённый в твёрдую эмаль и холодный металл. Это был её запрет, вылитый в форму. Её внутренний договор с миром, скреплённый не подписью, а ледяной чистотой этой конфорки.

Нельзя Желать для себя! Вскипятить на этой неприкосновенной поверхности воду, чтобы заварить тот самый, редкий сорт улуна, который ей так нравился, а не полезный ромашковый сбор для всех? Поставить сюда маленький сотейник и растопить в нём сливочное масло только для того, чтобы приготовить себе яичницу с хрустящими краешками – блюдо бесполезное, непитательное, но дико вкусное? Это казалось не просто шалостью. Это было святотатством. Это было равносильно тому, чтобы снять с алтаря икону Божьей Матери и поставить туда своё отражение в зеркале – красивое, но смертно-эгоистичное.

Признаться, что счастье может прийти не как награда за выстраданные труды, а как простой, солнечный луч, заглянувший в окно без спроса? Что можно быть счастливой не после, а просто и легко, без чувства вины, и без ожидания неминуемой расплаты? Это пугало её пуще огня. Незаслуженная радость казалась воровкой, укравшей чей-то законный кусок благополучия. В её внутренней бухгалтерии на счёт «личного счастья» всегда был ноль, и это было «правильно, морально» и безопасно. Счастье, по её убеждению, добывалось в шахтах самоотречения, выплавлялось в горниле чужих проблем и отливалось в слитки одобрения. Оно было тяжёлым, оставляло синяки на душе, но зато – законным.

Страх шептал: стоит лишь однажды коснуться спичкой этой левой конфорки, повернуть ручку, услышать привычное цок-цок-цок и увидеть, как именно над этим кругом вспыхивает живой огонь и всё рухнет. Хрупкий, выстроенный на её самоотдаче мир, рассыплется, как картонный домик. Люди, которых она согревала, почувствуют запах её «эгоизма» – горьковатый, чуждый, как дым от сжигаемых мостов. Они отшатнутся от неё, этой «плохой» женщины, которая вдруг осмелилась захотеть чего-то для себя, словно она не вечный, терпеливый очаг, а обычный человек с собственными, никому не интересными аппетитами.

И потому конфорка оставалась холодной. Немой укор и вечное напоминание о том, что её место – у огня, но не для себя, а «ради них». Что счастье, настоящее, лёгкое и длительное, – это то блюдо, которое готовится на другой, далёкой и недоступной для неё кухне.

Однажды в её дверь постучали три раза – два быстро, один после паузы. На пороге стоял невысокий человек в плаще из ткани, меняющей цвет, как крыло жука-дровосека.

– Меня зовут Корвин, – сказал он без предисловий. – Я собираю налог.

– Налог? Но я же оплатила все квитанции – удивилась Юлия, машинально уже приглашая его внутрь и думая, какой пирог можно быстро разогреть.

– Вы меня не так поняли, я собираю не денежный налог, а за неиспользованное счастье. Видите ли, – он вошёл, и его плащ отбросил на стены блики цвета спелой сливы, – в нашем городе всё должно находиться в обороте. Даже радость. А у вас здесь... – он глубоко вдохнул, – скопился целый застой непржитых радостей, изъятых из оборота. Пахнет тихой тоской и холодной эмалью.

Он прошёл напрямиком на кухню и ткнул пальцем в сторону левой конфорки.

– Вот оно. Запрещенное желание. Облагается пеней.

Юлия вспыхнула алым маком, как будто её застали за чем-то постыдным.

– Я... Я не понимаю. Я забочусь о других. Это и есть моё...

– Ваше счастье? – перебил Корвин. – Это их счастье. Вы – всего лишь высокоэффективная печка для пирожков. А что насчёт топлива для себя? Печи тоже нужно тепло изнутри, иначе она трескается и начинает чадить.

Он снял с пояса не то щипцы, не то странный камертон и подошёл к плите.

– Налог взывается прямо сейчас. Вы либо разжигаете эту конфорку сами и готовите на ней что-то только для себя, либо я делаю это принудительно. Но тогда это будет... омлет из скорлупы ваших страхов. На вкус, надо признать, отвратительно.

Юлия замерла. Весь её мир сжался до этой синей, холодной плиты. «Желать для себя» – фраза звучала на неизвестном, диком языке. Руки сами потянулись к привычным действиям: «Хочешь чаю? Тебе холодно? Может, я...». Но Корвин смотрел на неё неумолимо.

– Я... не знаю, что я хочу, – прошептала она, и это было страшнее всего. Она разучилась понимать сигналы собственной души.

– Тогда начните с малого, – сказал сборщик, и его голос неожиданно смягчился. – Что вам нравилось в детстве, до того как вы решили, что должны быть «святой»?

И она, к своему удивлению, вспомнила. Не полезную манную кашу, а взбитые белки с сахаром, которые тайком ела ложкой на кухне. «Гоголь-моголь», – сказала она шёпотом. Глупость. Бесплезную сладость.

– Идеально, – кивнул Корвин. – Яйца, сахар, немного ванили. Инструменты перед вами.

Дрожащими руками Юлия взяла яйцо. Разбить его для себя было сложнее, чем разгрузить вагон угля для сиротского приюта. Каждое движение было мукой. Миска казалась непозволительно роскошной. Когда она начала взбивать смесь венчиком, звук показался ей оглушительно громким, эгоистичным, будто она барабанила по крыше мира, сообщая ему о своих ничтожных потребностях.

Но потом произошло чудо. На левой конфорке, которую она всё-таки зажгла (пламя оказалось не синим, а тёплым, золотисто-оранжевым), грелись сливки. И запах... Запах ванили и детства заполнил кухню. Это был её запах. Не для утешения, не для питания, а для чистой, простой радости.

Она налила подогретые сливки в кружку, ту самую, красивую, с незабудками, которую всегда прятала для «особого случая» (который никогда не наступал) и выложила в нее взбитый крем. Сделала глоток. Сладость ударила в виски, неожиданная и ослепительная. Гоголь-моголь как в детстве...

– А как же другие?.. – автоматически спросила она, уже чувствуя, как по телу разливается странное, виноватое тепло.

– Другие, – сказал Корвин, наблюдая, как на окне от её выдоха зацвел инеем узор в виде виноградной лозы, – научатся зажигать свои собственные конфорки. Или найдут другую печь. Мир не рухнет. Он просто станет... честнее.

Он направился к выходу.

– Налог считается оплаченным. До следующего квартала. И, Юлия... – он обернулся на пороге. – Тот, кто не умеет желать для себя, в итоге начинает незаметно ненавидеть тех, для кого жертвует. Это самый горький рецепт. Вы только что избежали его.

Он ушёл. Юлия допила свой гоголь-моголь до дна. Потом подошла к плите и погладила тёплую, наконец-то живую эмаль шестой конфорки.

На следующий день она не побежала выгуливать всех собак одновременно. Одну – выгуляла, наслаждаясь утром. Другой просто открыла дверь в сад. Она надела не серо-бежевый балахон, а платье цвета спелой ежевики – просто потому, что оно нравилось ей. И не стала пришивать чужую оторвавшуюся пуговицу, «ведь они не просили».

Мир не рухнул. Он лишь присвистнул от удивления – тонко, как кипящий впервые чайник на той самой конфорке – и начал медленно, с неохотным скрипом, менять свою орбиту.

Люди, чьи миры годами вращались вокруг надёжного гравитационного поля Юлии, сперва ворчали. Сосед-астматик кашлянул с упреком, не обнаружив у двери термоса с чаем, найдя на пороге лишь рецепт отвара, написанный её аккуратным почерком на листке в клеточку. Организаторша ярмарки задергала бровью, услышав: «Я испеку не десять, а два пирога. И один из них, с грушей и розмарином, я оставлю себе». Кошатница с Маркизой даже хлопнула дверью, унося назад пакет с кормом, который Юлия вежливо отказалась отнести в ветклинику «вам же по пути».

Но потом, к собственному изумлению, они начали открывать в себе странные умения. Сосед, кряхтя, сам поставил чайник и обнаружил, что звук закипающей воды успокаивает не хуже, чем мёд Юлии. Хозяйка ярмарки, сжав губы, замесила тесто и с удивлением поймала себя на том, что в процессе напевала – незнакомую, свою собственную мелодию. А владелица Маркизы, сама налив кошке молока, поймала её благодарный взгляд и впервые почувствовала не обузу, а тихую радость. Некоторые люди даже, пусть и с оглядкой, будто крадучись, находили в этом новом мире странное, щемящее удовольствие – удовольствие от самостоятельно-сти, которое пахло не тяжким трудом, а новой, пусть пока и неумелой, но свободой.

А Юлия тем временем совершала маленькие, тихие революции. Она купила себе шарф не практичный серый, а цвета спелого инжира – просто потому, что он был мягок и радовал глаз. Она записалась на уроки акварели, где училась смешивать краски не для пользы, а для красоты, пропустив при этом повторные занятия на курсах первой помощи. И однажды, вернувшись домой, она не стала сразу проверять почту в поисках чьих-то просьб, а сняла туфли, села в кресло и просто смотрела, как вечернее солнце укладывает золотой квадрат на половику ее комнаты. И это молчаливое сидение не было ленью, а было священнодействием – принятием дара тихого счастья.

Она наконец поняла главное. Её «Великая Мать» – это не приговор на каторгу служения, не долговая расписка перед обществом. Это был Дар. Редкий и прекрасный, как умение понимать язык растений или слышать музыку в шуме дождя. Но дарить можно только из избытка. Нельзя угощать других водой из своего колодца, если на его дне лишь гулкое эхо и треснувший камень. Избыток же – самый живой, сладкий родник – рождается только в том сосуде, который умеет наполняться. Который позволяет дождю напоить его, солнцу – согреть, а случайной радости – плеснуть через край, не спрашивая на то разрешения у своей жестокой совести.

И для этого порой нужно сделать самое пугающее: разжечь одинокий огонь на давно остывшей плите своей души. Поставить на него маленькую, личную кастрюльку и сварить в ней нечто простое, сладкое, незаслуженное и абсолютно эгоистичное. Гоголь-моголь детства. Тихую песню под нос. Десять минут ничегонеделания в середине дня. Радость, у которой нет иного предназначения, кроме как быть просто радостью.

Просто потому, что сейчас так хочется и потому, что она – живая. А живое по определению имеет право на голод, на жажду, на желание погреться у своего собственного, а не только чужого огня.

И странное дело: теперь, когда Юлия иногда – не всегда, а иногда – варила на левой конфорке какао только для себя, другие пять горели как-то ровнее, теплее и добрее. Бульон для соседа получался наваристее, шоколад для ярмарки – ароматнее. Казалось, сама плита, наконец-то используемая по всем своим шести предназначениям, вздохнула с облегчением и запела тихую, довольную песню старого, счастливого очага.

И только стоящий на комод портрет в резной раме, где любимая бабушка Анфиса, в своём неизменном кружевном переднике, смотрела с прищуром добрых глаз, – только этот портрет позволял себе чуть слышно вздохнуть. В этом вздохе, просочившемся сквозь слои лака и времени, не было ни капли осуждения. Была в нём лёгкая, почти неуловимая грусть – та

самая, что остаётся от ушедших эпох, когда дамы носили шляпки с вуалью, а главным развлечением субботнего вечера был не спецвыпуск новостей, а тихий спор о сортах чая и бисквита.

И если бы кто-то обладал слухом, настроенным на частоту старых красок, он бы разобрал в этом вздохе едва слышные слова:

«Жаль... В наше время никакого налога на неиспользованную радость не полагалось. А я ведь так любила глёт, с гвоздичкой и медом. И чтобы палочка корицы обязательно плавала сверху, как маленькое душистое бревнышко...»

И тут же, вслед за вздохом, по потускневшему от времени полотну пробежала тёплая волна – ответ той самой печки-плиты, что сейчас стояла на кухне Юлии и рядом с которой была изображена, ее дедом художником, ее бабушка. И казалось, что бабушка Анфиса на портрете чуть заметно улыбается, глядя на внуку, мягкой, одобрительной, полной тихой и абсолютной радости улыбкой, за то, что в её крови нашлась хоть капля той самой, забытой всеми, правильной смелости. Смелости признать свое собственное счастье, каким бы странным и пахнущим специями оно ни было.

О Мисс Стоун и Законе Лапы

В городе, где печенье всегда выпекалось ровным кругом, а пыль на книжных полках имела установленный законом трёхдневный цикл оседания, царствовала мисс Мэйдэн Стоун. Её имя звучало как приговор: «Мэйдэн» – дева, нетронутая хаосом, «Стоун» – камень, нерушимый и холодный. Она такой и была, глава Ассоциации Идеальных Домохозяек. Она была его создателем, верховным судьёй и живым непрекаемым уставом. Фигура Мэйдэн, хоть и худощавая, но лишённая изящной талии, обладала впечатляющая монументальностью бюста, чем напоминала крепостную башню с машикули (с выступающими бойницами). Крупные, чётко вырезанные черты лица казались высеченными средневековым скульптором, а её взгляд – холодный, пронизывающий, лишённый полутонов взгляд удава – был оружием, укрощающим малейший намёк на беспорядок. Присутствие мисс Стоун ощущалось физически, как перепад атмосферного давления перед грозой.

Страх Мэйдэн не имел ничего общего с примитивной боязнью темноты под кроватью или испуга от внезапного громкого звука. Это был сложный, многослойный, выпестованный годами страх обрушения собственной идеальной вселенной.

Он начинался с малого, с болезненной чувствительности к почти невидимой глазу кривой линии на безупречно выглаженной скатерти. Точнее к тому, что она обозначала: провал воли, слабость внимания, первую микротрещину в монолите порядка. Страх выражался в гипертрофированном внимании мисс Стоун, выискивающим любое отклонение от эталона – будь то едва заметная асимметрия в сервировке стола или неуловимое «невежливое» колебание в тоне голоса собеседника.

Но истинный кошмар, ледяной ком в груди, возникал не от беспорядка в вещах, а от беспорядка в душах. Малодушные горничной, которая не доглядела угол наволочки, не из лени, а из-за рассеянности. Малодушные пекаря, сэкономившего на разминании теста, потому что «и так сойдёт». Малодушные ученицы, которая слушала её наставления, кивала, а потом делала по-своему, не из духа противоречия, а просто потому, что забыла, отвлеклась, не придавала значения.

Это малодушие она воспринимала как самое чудовищное предательство – человеческую слабость воли. Предательство Великого Порядка, жрицей и блюстительницей которого она себя считала. Её мир был не просто скоплением вещей и людей. Это был мощный коллектив, где каждая деталь, от крупной до едва заметной, имела своё предназначение, угол поворота и роль. Жизнь общества, дома, даже дыхания – всё это должно было подчиняться внутренней, безупречной логике порядка. Истина была не в философских трактатах, а в конкретике ритуала: в том, как тень от вазы падает на полированную столешницу ровно в полдень, в том, как три точных встряхивания солонки рожают идеальную щепотку, а не слепую горсть. В том, как взбитые сливки, уложенные по спирали, следующей за движением солнца, символизировали не просто украшение торта, а саму суть времени, неумолимо ведущую к отточенному совершенству.

Неподчинение – любое, даже самое крошечное – было для мисс Стоун бунтом, актом расчленения реальности. Кто-то своей небрежной рукой брал безупречный чертёж мироздания и рвал его. И Мэйден чувствовала этот разрыв физически, как рану. Её страх был страхом одинокой вахтёрши у пульта управления идеальным миром, которая видит, как на сотнях экранов мигают тревожные красные огоньки человеческой необязательности, забывчивости и – самое страшное – равнодушия к совершенству. В такие моменты в её голове собственное имя звучало как троекратное «мэй-дэй» (сигнал бедствия в радиосвязи). Она боялась того, что её священный Порядок никому, кроме неё, на самом деле не нужен. И это было одиночество куда более страшное, чем любая тюрьма.

А потом в её мироздание вторгся «этот». Существо, прибывшее из параллельной вселенной, где законы физики заменены принципами хаотичной милоты и бесцельного движения. Это был щенок. Не просто собака, а квинтэссенция щенячьего начала: маленький, нескладный, представлявший собой не тело, а лишь временное вместилище для неукротимого вихря рыжего пуха и необъяснимой радости. Его глаза были как две заблудившиеся во вселенной капли тёплого шоколада – глубокие и абсолютно лишённые какого-либо плана дальше пяти секунд.

Он материализовался на её пороге в один из тех вечеров, когда дождь шёл не для полива растений или пополнения водохранилищ, а просто потому, что небу стало скучно. Он возник, как воплощённое нарушение самой концепции предсказуемости. Порог мисс Стоун был сакральным местом – границей между внешним, не вполне одомашненным миром и её внутренней, выверенной до атома вселенной. На нём не должно было быть ничего, кроме чистой геометрии двери, коврика и сияющей латунной дверной ручки.

Щенок же лежал там клубком, мокрый, превратившийся из рыжего в медный под струями дождя, и дышал. Дышал слишком громко для такого маленького существа, нарушая беззвучную гармонию прихожей. Он не издавал положенных в таких случаях звуков – жалобного поскуливания или просящего визга. Он просто существовал, и одного этого факта было достаточно, чтобы пошатнуть устои.

Мисс Стоун замерла в дверном проёме, щенок, не открывая глаз, потянулся, совершив целую серию мелких, абсурдных движений, и ткнулся холодным и мокрым носом в замшевый мысок её туфли. Не в ногу – именно в туфлю, как будто приветствуя не её, а этот конкретный предмет обуви, оценивая его фактуру и запах. На безупречной, дышащей замше осталось крошечное влажное пятнышко, конденсированная вода, смешанная с собачьей невинностью. С точки зрения внутреннего кодекса Мэйден, это была доктринальная диверсия. Активная, осознанная атака на саму идею незапятнанности. И при этом совершённая с видом полнейшего, блаженного неведения о любых возможных последствиях.

В голове у Мэйден пронеслись мысли, касающиеся непрошеной органики, но щенок посмотрел на неё и в этом взгляде не было ни страха перед её авторитетом, ни желания подчи-

ниться. Была лишь абсолютная, безрассудная радость знакомства. Он вильнул хвостом, нарушив тишину и статику прихожей.

«Вон», – должен был прозвучать приговор. Но губы Мэйдена не повиновались. Вместо этого она, к собственному ужасу, произнесла: «Ты нарушаешь порядок».

Щенок в ответ чихнул, как бы подтверждая ее правоту. И это было самое веселое, самое игривое неповиновение, с которым она сталкивалась.

Войти внутрь и захлопнуть дверь, оставив этот живой комочек непредсказуемости снаружи, оказалось для неё делом психологически более сложным, чем пройти сквозь стену. «Не выгонять же под дождь», – прошелестела мысль, звучащая чужеродным оправданием в её строгом внутреннем диалоге. Это был временный акт милосердия, не более того. До выяснения обстоятельств, происхождения и, главное, степени угрозы.

Она назвала его Аномалией. Имя родилось само, как диагноз.

Но «временно» оказалось понятием растяжимым, как желатиновая конфета. Аномалия не просто поселился – он начал осваивать территорию. Он не просто бегал – он носился за солнечным зайчиком по только что вымытому до состояния зеркала полу, его крошечные коготки отстукивали лихую, синкопированную дробь, оставляя на поверхности едва видимые, но для Мэйдена кричащие следы-партитуры. Он спал, где вздумается: чаще всего посреди идеально отглаженной и сложенной стопки постельного белья, погружая нос в прохладу льняных простыней и безмятежно посапывая, будто утвердив за собой право на этот трон из порядка. Он опрокидывал мусорное ведро не со зла или голода, а с видом Колумба, открывающего новые земли: «А что внутри этой штуки? О! Шкурка от банана! Восторг! Клочок бумаги! Восторг вдвойне!»

И самое невыносимое – он был постоянно счастлив. Его счастье было автономным, самодостаточным и не нуждалось ни в каких разрешениях, чертежах или санкциях. Оно изливалось наружу вихрем виляющего хвоста, способного сметать мелкие предметы с низких столиков. Оно булькало тихим, смешным поскуливанием во сне, когда ему снилась погоня за собственным хвостом. Оно выражалось в абсолютно нелогичной, заразной игривости: он мог внезапно начать прыгать вокруг собственной тени, лаять на отражение в зеркале или, замерев и склонив голову на бок, смотреть на кружащуюся в луче света пылинку с благоговением первооткрывателя. Его радость была чистой, как дистиллированная вода, и такой же не содержащей никаких примесей смысла, кроме самого факта существования радости. И это было страшнее любого осознанного неповиновения.

Но настоящий кризис в жизни мисс Стоун наступил не из-за щенка, а из-за ее последовательниц.

На еженедельной ассамблее Ассоциации Идеальных Домохозяек Мэйдена с ледяным спокойствием указала миссис Блюм на недопустимый, не геометричный разброс между розочками крема на её фирменном песочном торте. «Это небрежность, ведущая к моральному упадку», – изрекла Стоун.

И тут случилось невообразимое. Миссис Блюм, всегда трепещущая, вдруг покраснела и не опустила глаза. Она сказала: «Знаете, Мэйдена, моему внуку они нравятся именно такими. Он называет их „облачками“. И... и мне тоже».

В зале повисла тишина, густая, как взбитые сливки. А потом другие женщины – мисс Вейн, а затем и миссис Крофт – начали тихо, но уверенно говорить. О том, что иногда чай, заваренный на минуту дольше, пахнет уютнее. Что кривоватый шов на диванной подушке, сделанный дочерью, дороже безупречной машинной строчки. Это был мягкий, но тотальный бунт. Последовательницы отвернулись. Они предали её систему, «Единственно Верную Идею» – они предали лично Мэйдена. В её холодных глазах впервые отразился настоящий, животный ужас. Что она такое, если её правила не нужны? Кто она, если её авторитет – всего лишь карточный домик, который развалился от дуновения этих бунтарок?

Она бежала с ассамблеи, не замечая дождя, который теперь казался не атмосферным явлением, а вселенским издевательством. Её мир не просто рушился – он растворялся, как сахар в теплом чае, медленно и необратимо. Каждая фраза, каждое робкое «а мне нравится иначе» звучали в её ушах каскадом обвалов. Предательство было тотальным. Но хуже всего было то, что это даже не было злонамеренным актом противодействия. Это была просто... другая точка зрения. И эта чуждость, эта неспособность других людей увидеть очевидное совершенство её системы, душила Мэйдена хуже любых оков.

Дом, её крепость, её последний оплот, встретил её не молчаливым согласием с её правотой, а откровенным глумлением. Аномалия, вдохновлённый дождливым днём и отсутствием надзора, устроил пир неподчинения. Декоративные подушки с дивана были сброшены и сгруппированы в центр комнаты в подобие первобытного логова. Перевернутая корзина для пряжи лежала на боку, как поверженный страж. А из её недр тянулся через весь паркетный «зал» тончайший след – клубок небесно-голубой шерсти, разматывавшийся в длинную-длинную нить. Это был Беспорядок. Это была карта хаоса, нарисованная лапами и носом.

Мэйдена Стоун застыла на пороге комнаты. Внутри неё бушевала белая, чистая, ледяная буря гнева. Это был не просто всплеск эмоций, а восстание принципа против реальности. Её разум, отполированный до бритвенной остроты, вычерчивал молниеносные планы: схватить, наказать, изгнать, стереть, вычистить, отмыть, натереть до блеска, забыть. Дыхание стало частым и поверхностным, рваным, как та самая шерстяная нить на полу. Она чувствовала, как сжимаются кулаки, как тяжелеет челюсть. Она была на острие, на грани того, чтобы одним яростным движением стереть этот смешной, нелепый хаос с лица её вселенной.

И тут Аномалия заметил её.

Он вылез из своего «логова» из подушек, весь взъерошенный и счастливый. В пасти у него болтался не мячик, не игрушка, а тот самый, злосчастный наполовину размотанный голубой клубок. Он подбежал к ней, этот пушистый метеорит радости, и аккуратно, с важным видом первооткрывателя, положил мокрый от слюней клубок прямо на её строгие замшевые туфли, которые уже перестали быть безупречными.

Затем он сел. Задняя часть его тела от нетерпения всё ещё виляла, но передняя замерла в почти церемонной позе. Он задорно склонил голову набок, и его глаза – две лужицы растопленного шоколада – уставились на неё без тени страха, упрёка или понимания ситуации. В его взгляде не было ничего сложного. Только чистая, кристальная мысль, сиявшая, как маяк умиления: «Ты вернулась! Смотри, что я нашёл! Это самое удивительное, самое мягкое и самое голубое, что есть на свете! И я принёс это Тебе! Давай... давай теперь вместе это обсудим? Или поиграем? Или просто посидим? Я так рад, что Ты пришла!»

И что-то в Мэйдена надломилось. Не сломалось, а именно надломилось, как толстая корка льда на озере под первым лучом весеннего солнца. Яростный ледник её гнева, столкнувшись с этой абсолютной, тёплой, лишённой всякого подтекста открытостью, дал трещину. Свинцовая тяжесть в груди вдруг потеряла вес.

Это был уже не вызов её правилам. Это было нечто большее. Это было предложение. Не предложение игры – хотя и оно тоже. Это было предложение другой системы координат, где главной ценностью был не порядок, а сам факт совместного присутствия здесь и сейчас. Предложение безусловного соучастия. А в самой его глубине, как сердцевина ореха, таилось ещё более простое и пугающее чувство – искренняя, ничем не мотивированная, безусловная радость от того, что она есть. Та самая радость, которой так катастрофически не хватило ей сегодня на ассамблее.

Буря внутри не утихла, а растворилась в иной субстанции. Её ледяная ярость, лишённая опоры, начала размягчаться, превращаясь в нечто влажное и теплое, что подступало к горлу. Щемящее, незнакомое чувство медленно заполняло освободившееся пространство. Она опустилась на колени, её суставы издали тихий, сдавленный скрип – звук отвыкшего от такой про-

стоты тела. Паркет ощущался прохладным и твердым под ней. Её рука, привыкшая властно указывать и выверять, повисла в воздухе, а потом медленно опустилась, чтобы коснуться. Не наказать. Не отодвинуть. Коснуться этого живого, дышащего теплом комочка рыжего пуха. Его шерсть оказалась невероятно мягкой под ее пальцами. Аномалия прищурился, глупо и блаженно, и его хвост забил по полу дробный, безостановочный ритм, будто утверждая новый закон – закон немедленного и безоговорочного прощения.

И Мэйдэн Стоун, некогда непоколебимая Железная Дева, медленно погрузилась в путаницу голубой шерсти. Её крупные, сильные руки, знавшие точный вес муки и крутой изгиб скалки, неуверенно обхватили клубок. Пальцы почувствовали его шероховатую, упругую фактуру. Аномалия радостно тявкнул, и этот звук, короткий и звонкий, разрезал тишину комнаты.

Она не стала наводить порядок. Вместо этого её рука толкнула клубок. Он покатился по паркету, оставляя за собой след из одиночной нити. И тут произошло чудо движения – щенок с визгом восторга бросился в погоню, его маленькое тело превратилось в рыжий вихрь. Её губы, всегда плотно сжатые в строгую линию, вдруг дрогнули. В уголках рта зародилась неуверенная, почти болезненная судорога – попытка удержать не гнев, а нечто совершенно новое, что рвалось наружу. И оно вырвалось. Звук, похожий на треск тонкого льда под солнечным лучом – сухой, короткий, непривычный. Это был смех. Её собственный смех. Он прозвучал так, будто долго искал выход и наконец нашел его маленькой, удивленной трещинкой.

Она не перестала быть собой. Её черты не стали мельче, а осанка – менее внушительной, но в её холодном взгляде, глядящем на щенка, гонящегося за клубком по разорённой им же гостиной, появилась улыбка. И сквозь неё пробился теплый свет.

На следующей ассамблее тишина в зале была звенящей, напряжённой, как струна перед тем, как лопнуть. Женщины сидели, стараясь не встречаться глазами, ожидая громовой речи, кары, или нового, ещё более жёсткого свода предписаний. Вместо этого дверь открылась, и в проёме возникла знакомая, монументальная фигура Мэйдэн Стоун. Но рядом с её строгой юбкой деловито семенил, запутываясь в поводке, маленький рыжий ураган по кличке Аномалия.

В зале ахнули. Это было зрелище из ряда вон: само олицетворение безупречности, привела на официальное собрание существо, чья единственная функция в жизни, казалось, заключалась в опровержении самой идеи безупречности. Все замерли, ожидая, что стальная маска её лица вот-вот треснет, обнажив знакомый всем ледяной гнев.

Но Мэйдэн Стоун лишь поправила поводок и, не садясь на председательское место, обвела зал тем же властным, не допускающим возражений взглядом. Её голос прозвучал чётко, ровно и.. странно ново.

– Сегодняшние темы, – объявила она, и Аномалия в этот момент улегся у её ног, деловито начав вылизывать лапу, – «Искусство импровизации в сервировке и.. воспитание щенков».

Она сделала небольшую паузу, давая этим словам, этому невероятному сочетанию, повиснуть в воздухе.

– Пункт первый, – продолжила она, и в её тоне прозвучала не директива, а.. приглашение к совместному размышлению. – Как превратить слегка подгоревший по краям пирог, непригодный для парадного стола, в источник радости. В объект для игры детей. В игрушку для питомца, который, к слову, ценит его ничуть не меньше безупречного. И в конечном итоге – в повод для совместного, совершенно непарадного смеха. Когда идеал оказывается недостижим, на сцену выходит находчивость. А она, как известно, сестра радости.

Она больше не смотрела на них как на потенциальных предательниц, не сверяла их с внутренним манифестом. Мэйдэн смотрела на этих женщин как на возможных соучастниц. Она поняла нечто фундаментальное: её истинные последователи – не те, кто трепещет перед её догмами, а те, кто отзовется на её новый, ещё не до конца сформированный призыв. При-

зыв к игре, правила которой могут быть гибкими, как позвоночник щенка, и радостными, как виляющий хвост.

Её авторитет не рухнул. Он преобразился. Из авторитета каменной скрижали он стал авторитетом живого дерева – могучего, но способного гнуться под ветром, дающего тень и позволяющего взобраться на себя, чтобы увидеть дальше. Страх неподчинения, этот вечный холодный компаньон, растворился без остатка. Не потому, что все вдруг стали послушными, а потому, что само неподчинение перестало быть угрозой. Оно стало просто другим ходом в игре, вариантом, альтернативой, которая могла быть смешной, нелепой, но уже не смертельной.

Он растворился, как бисквит, который не успели вынуть вовремя, в чашке очень горячего, крепкого чая. И чай этот, как неожиданно выяснилось, можно пить не только из тонкого фарфора на крахмальной скатерти. Его можно пить, сидя прямо на теплом полу, прислонившись к разбросанным подушкам, слушая, как рядом сопит, зарывшись носом в твой бок, маленькое рыжее существо, для которого твое присутствие – и есть главный и единственный закон мироздания. И этот закон был куда прочнее всех прежних.

О Золотой Птичке, Стеклянном Клерке и Правде Манекенщицы

В городе, где флюгеры рассказывали сплетни ветру, а витрины магазинов засыпали, только когда в них выключали свет, что почти никогда не случалось, жила Дора Люссело. Её имя обозначало «золотая птичка», и она соответствовала ему целиком. Её волосы были не просто светлыми – они были аварийным запасом солнечного света на пасмурные дни. Её фигура – вызов законам физики, а также доброй половине мужчин и моральным устоям. Дора не ходила по улицам – она совершала «выход в свет». Не одевалась – создавала события. Её платья кричали, шёпоты её духов перебивали разговоры, а смех был похож на звон хрустальных бокалов, которые бьют для удачи.

Она правила маленьким королевством «Ателье Люссело», где шили не просто одежду, а дамское оружие из шёлка и восхищения. Каждый наряд был стратегическим манифестом из ткани, скроенным по фигуре, персональным полем битвы, где победа измерялась в задержанных взглядах и подавленных вздохах. Дора знала: красота – это валюта, которая никогда не девальвируется, если в неё вовремя и правильно инвестировать. Она вкладывалась с умом – в идеальный крой, скрывающий мифические недостатки, в цвет, который заставлял глаза щуриться от насыщенности, в аксессуар, который становился темой для разговора на весь вечер.

Но за этой блестящей монетой всегда тянулась тень. Не страх старости – нет. Старость Дора представляла себе как финальный, самый изысканный акт пьесы собственной жизни: серебряные волосы, идеально уложенные в гладкую башню, чёрное бархатное платье, бриллиантовые заколки и взгляд, от которого юные красавицы почувствуют себя «неопытными сучками». Это была другая, куда более страшная тень. Тень «Некрасивости», вне возрастной, фундаментальной непривлекательности. Дефектной внешности, которую не скрыть ни одним, даже самым гениальным, покроем. Стать человеком, на котором ткань «висит», а не «играет». Чьё лицо не запоминается «на всю жизнь» после разговора. Чья фигура не вызывает ни зависти барышень, ни желания у мужчин. Стать... обычной. Невидимой. Той самой серой массой, на фоне которой блистают такие, как она.

Для Доры это было не просто страшно. Это было метафизически невозможно, как остановка сердца у живого и абсолютно здорового человека. Быть обычной значило для неё перестать Быть. Её существование было символом исключительности, и любая угроза этому воспринималась как угроза самому дыханию. Вот почему каждая новая морщинка, каждый мимолётный отёк под глазом, любая, даже самая незначительная, погрешность кожи переживались не как досадное недоразумение, а как первая трещина в несущей стене её вселенной. Её страх был не мелкой монеткой беспокойства, а тяжёлой, отлитой из чистого ужаса гирей, которая висела на тонкой нити её самоощущения, угрожая в любой момент оборваться и раздавить всё, что она построила.

Её компаньоном (не мужем, нет – это слово пахло кухней и рутиной) был Поно. Он работал клерком в городской ратуше, в отделе учёта Засоров Фантазии и Протокольных Кривотолков. Его мир был выстроен по вертикалям и горизонталям, как клетки в его любимой учётной книге. Его костюм был серым не просто по цвету, а по самой идее. Он ходил так прямо, будто нёс на голове невидимый том муниципального устава. Его главный вопрос к миру был: «Скажите, как правильно? И я вам зачитаю инструкцию». Без инструкции жизнь казалась ему текстом, набранным шрифтом Брайля для того, кто не знает, как его читать.

Они сошлись, как сходятся огонь и футляр для очков: она нашла в его безупречной предсказуемости сцену для своей импровизации. Он в её хаосе увидел невероятно сложную, но всё же инструкцию к жизни – «угождай Доре, и всё будет в порядке».

Но сказки начинаются тогда, когда ломается привычный ход вещей.

Однажды утро не пришло с привычным золотым сиянием из окон, а прокралось серой, цепкой мутью. И зеркало в спальне, обычно её верный союзник и льстец, стало предателем. Оно не исказило черты – оно обнажило их. Кожа, всегда бывшая идеальным пергаментом для нанесения красоты, вдруг проявила текстуру. Нежную, едва уловимую, но – текстуру. Поры. Тончайшую сеточку у висков, похожую на карту забытых тропинок. В уголке левого глаза замерла, притаившись, морщинка. Не мимическая, не та, что появляется от смеха и исчезает, а, о ужас, постоянная «морщинища». Она смотрела на Дору с немым и равнодушным знанием: «Я здесь. И это только начало».

Это был не просто плохой день. Это была не рябь на воде, а внезапный обвал берега в тихую заводь. Вторжение Отвратительного. Нападение обычной реальности на её выстроенную, отполированную до блеска прекрасную вселенную. Та самая вульгарная, банальная реальность, которую она годами скрывала лучшими тканями, запирала за тяжёлыми дверьми ателье и игнорировала, как дурно пахнущего просителя, вломилась без спроса, грубо поставив свою печать на самом святом – на её лице.

Накануне всё было в порядке. Она провела вечер, выбирая между двумя оттенками лилового для новой коллекции – «саркастическая орхидея» и «меланхоличная глициния». Легла спать, уверенная в завтрашнем восходе собственной неотразимости. А проснулась – в оккупации.

Дора не закричала. Крик был бы признаком борьбы, а она поняла, что битва, возможно, уже проиграна. Поэтому она объявила траур. Церемонию прощания с собой прекрасной.

Ателье «Люссело» погрузилось во мрак. Каждое зеркало, каждую отражающую поверхность – стекло витрин, полированную латунь ручек, даже блестящий колпачок старого утюга – она завесила тканью. Не просто чёрной. Тканью цвета ночного отчаяния – густого, вязкого, поглощающего даже намёк на свет, темный индиго с подтоном запекшейся крови и пепла. Воздух застыл, наполненный немым вопросом манекенов и запахом страха, сладковатого, как испорченные духи.

Клиентам, трепетно ждавшим её магии, разлетелись письма на бумаге с траурной каймой. В них значилось: «В связи с наступлением периода творческого анабиоза, Ателье Люссело

приостанавливает приём заказов до особого уведомления. Скорбим вместе с вами о прекрасном». Это был не обман. Она и вправду скорбела. По себе.

И мир, сам того не понимая, осиротел. Улица, по которой она обычно проходила, как живая процессия, потускнела. В кафе за углом перестали сплетничать о её последнем наряде. Город лишился своего персонального солнца, источника ослепительных вспышек и театральных теней. Наступила странная, серая тишина, в которой было слышно, как где-то глубоко в своей пещере, завешанной тканью ночного отчаяния, медленно угасает Золотая Птичка.

Поно забеспокоился. Его инструкция «Угодить Доре» дала сбой, так как Дора не выдавала привычных требований. Она молчала. А для Поно такая тишина была страшнее крика – в ней не было указаний к действию.

– Дора, я могу что-то для вас сделать? – сказал он, стоя у двери её будуара, вытянувшись в струнку, как перед начальником департамента. Протокол в такой ситуации не прописан. В голове метались мысли. Скажите, что делать. Дайте рецепт. «Волшебную таблетку». Так принято – искать решение. Так должно быть.

Из-за двери донёсся голос, лишённый всех театральных обертонов. Он был плоским и тихим.

– Рецепта нет, Поно. Лекарства – тоже. Уходи.

Но Поно не мог уйти. Без её хаоса его собственный, строгий мир начал трещать по швам. Если даже Дора, эта живая инструкция к роскоши, не знает, что делать, – значит, никаких инструкций вообще не существует? Эта мысль была для него ужаснее, чем любая морщинка на лице Доры.

В отчаянии он пошёл туда, куда ходят за советами все клерки города – в архив. Но не городской ратуши, а архив городских легенд, что располагался в подвале букинистической лавки «Шёпот и Пагинация». Хранитель, старик, чья борода была похожа на спутанную картотеку, выслушал его и хмыкнул.

– Страх внешности, говоришь? Инструкцию хочешь? Есть одна... но она не для клерков. Она для тех, кто готов увидеть не параграф, а суть. Иди к Манекенщице.

Манекенщица жила на самой окраине, в том странном квартале, где каменная мостовая города уже начинала сомневаться в собственной реальности и потихоньку превращалась в сырую, немощёную глину снов. Её дом, больше похожий на высокий, тощий сарай, вросший в землю, стоял на последней улице с названием – улица Иссякших Швов.

Мастерская внутри была не комнатой, а кладбищем образов. Здесь царили не люди, а призраки подиумов. Воздух был густ от запаха древесной пыли, гипса и лака для волос, от которого давно отказались живые парикмахеры. Всё пространство занимали останки красоты: ряды деревянных каркасов, похожих на обугленные скелеты экзотических птиц; гипсовые торсы, застывшие в вечном, немом ожидании голов и конечностей. В углу грудой лежали стеклянные глаза – карие, синие, зелёные, все одного размера, но разного выражения. Они смотрели в никуда, отражая осколки оконного света, и этот коллективный, пустой взгляд нависал над помещением тихим ужасом.

А среди этого безмолвного легиона несуществующих тел царила она, мастер по изготовлению манекенов. Сама же она, с непередаваемым сарказмом, называла себя Манекенщица. Её нельзя было назвать старой – возраст здесь казался неуместной категорией. Она была выточена временем. Её фигура, прямая и жёсткая, напоминала драгоценную филигрань из пожелтевшей слоновой кости – та же хрупкость и та же негибкая прочность. Кожа, обтянувшая высокие скулы и орлиный нос, была тонкой, как пергамент старинного фолианта, и испещрена сеточкой линий, которые были не морщинами, а чертежами прожитых эмоций и лет, выгравированными прямо на поверхности её тела. Её руки, длинные, с невероятно тонкими, но сильными пальцами, вечно были в серой пудре гипса или в пятнах древесной смолы. Она двигалась среди своих творений беззвучно, как хозяйка в покоях, где все обитатели замерли в глубочайшем

сне. В её облике не было ни капли уюта или приветливости – лишь сосредоточенная, холодная ярость ремесленника, фурии, ведающей тайну формы и пустоты. Она не создавала красоту. Она создавала вместилища для неё. И в её взгляде, остром и беспощадном, как булава, читалось знание: любая красота в конечном счёте приходила сюда, к ней, чтобы обрести свой голый, бесчувственный каркас.

– А, – сказала она, увидев Поно. – Прислали из архива? Значит, дело в Золотой Птичке.

Поно хотел ответить, но в горле застрял шершавый царапающийся комок непонятных эмоций и он лишь судорожно кивнул.

– Милый мой мальчик, Её страх – это не страх старости. Это страх стать не-иллюстрацией. Стать текстом без картинки. Скучным, как твои учетные книги.

– Что же делать? – выпалил Поно, жадно ловля каждое слово.

– Сделай то, что противоречит всем твоим правилам. Устрой ей сюрприз. Без её запроса. Без её указаний. Приведи её сюда. Скажи, что... что у меня есть для неё уникальная ткань «Вечная Юность». Она не устоит.

Поно застыл, и мир вокруг него на мгновение рассыпался на составляющие. Действовать без санкции? В его голове, аккуратно разлинованной, как протокольный бланк, эта фраза вспыхнула красными, тревожными буквами, будто штамп «НЕСООТВЕТСТВИЕ». Нарушить принятый порядок? Это было не просто ошибкой. Это была ересь против самой основы его существования, против тихой, размеренной механики вселенной, где у каждого действия был свой пункт, утверждённый свыше.

Его внутренний клерк забил в набат. Но тут же, поверх этого гула, поднялся другой, более тихий, но невыносимо острый звук – картина будущего. Будущего, в котором та самая дверь в будуар Доры останется закрытой. Не на день, не на неделю. Навсегда. И за ней будет царить та самая ужасающая тишина, лишённая её капризных команд, её театральных вздохов, её требовательного, живого присутствия. Этот страх оказался сильнее. Он был не из категории правил, а из категории инстинктов. Страх пустоты.

Путь от мастерской к ателье «Люссело» превратился для Поно в мучительную процедуру составления фальшивого документа. Каждый шаг по знакомой мостовой был попыткой подобрать слова, интонацию, оправдание. Он чувствовал себя не дознавателем, ведущим расследование, а преступником, идущим на первое в своей жизни правонарушение.

Когда он оказался перед знакомой дверью с витой ручкой, его ладони стали ледяными и влажными. Он поднял руку. Пауза на вдох, которого не хватило, как и решимости. И поступал – не своим твёрдым, трижды отчётливым стуком делового визита, а каким-то робким, одноразовым туком.

– Дора, это я... Твой Поно.

Молчание из-за двери было густым, как та самая ткань отчаяния на зеркалах.

И тогда он совершил это. Солгал. Впервые. Не уклончиво промолчал, не умолчал о некоторых деталях, не сказал «зайдите завтра», а сознательно, с холодным ужасом в груди, произнёс вымысел, оформленный как факт.

– Дора, – его голос предательски дрожал, теряя басовитость, становясь тонким и неуверенным, как лист дешёвой муниципальной бумаги, подхваченный сквозняком в пустом коридоре. – Найдена... найдена ткань. Уникальная. «Вечная Юность». Партия в единственном отрезе. Только... только прибыла. Требуется ваша экспертиза.

Он выдохнул это, словно зачитывая вслух собственный смертный приговор.

Наступила тишина, в которой ему послышался звук лопающихся мыльных пузырей его прежней, правильной жизни.

Затем прозвучал щелчок. Медленно, без привычного энергичного рывка, дверь скрипуче отворилась и из полумрака вышла тень. Тень Доры. Её фигура была укутана в простой, почти монашеский халат из неотбеленного полотна. Длинные, всегда сиявшие золотом волосы,

были тусклыми и собраны в небрежный, низкий узел, из которого выбивались пряди цвета выцветшей соломы. Лицо, лишённое слоя грима, тональных основ и акцентов, было бледным, почти прозрачным. На нём не было привычной маски безупречности – только усталость, испуг и обнажённая уязвимость. Глаза, обычно сверкавшие азартом или гневом, смотрели потухшим, стеклянным взглядом.

Поно едва узнал её. Это был не ее образ, не богиня, не капризная принцесса. Это была раненая, напуганная, сломленная женщина. И в этом страшном, болезненном не узнавании было что-то неожиданно щемящее, пронзительно человеческое. Он увидел не символ, а живое существо, и это зрелище потрясло его сильнее любого её театрального представления.

Она не сказала ни слова. Не потребовала доказательств, не закатила сцену. Она просто молча, понутив голову, как приговорённая, сделала шаг вперёд, за порог своей крепости-будуара, и оказалась рядом с ним в сером свете коридора. Затем, не глядя на него, кивнула, давая понять, что готова идти. Она молча пошла за ним, как за единственной возможной нитью, ведущей из лабиринта собственного отчаяния. И Поно, повёл эту тень по улицам к окраине, где город уже почти переходил в сны, чувствуя тяжесть этой тишины, которая была страшнее и ответственнее всех данных ему когда-либо инструкций.

В мастерской Манекенщицы Дора оживилась.

– Где? Где ткань? – её голос снова приобрёл оттенок командного тембра.

– Ткань здесь, – сказала Манекенщица, обводя рукой всю мастерскую. – Она вокруг. Она называется «Правда». Твоя красота, детка, была как этот манекен, – она указала на идеальный, гляцевый торс. – Безупречная. И мёртвая. Она требовала поклонения, но не давала тепла. Ты боишься не морщин. Ты боишься стать живой. Потому что живое – оно неидеально. Оно стареет, болеет, меняется. И его любят не за безупречность, а вопреки.

– Молчите! – взвизгнула Дора. – Вы просто старая и завидуете!

– Возможно, – равнодушно кивнула Манекенщица. – Но я не завешиваю зеркала. А ты знаешь, что происходит с тканью, которая вечно боится сминаться? Она превращается в саван.

Манекенщица подвела её к старому, покрытому пылью зеркалу в полный рост.

– Посмотри. Не на кожу. А сквозь неё.

Дора зажмурилась, затем медленно открыла глаза. И увидела не золотую птичку. Она увидела испуганную женщину с усталым лицом. А рядом – напряжённого, худого мужчину в потёртом костюме, который смотрел на эту испуганную женщину не с восхищением, а с... тревогой. И в этой тревоге было больше настоящего чувства и любви, чем во всех восторгах её поклонников.

– Он привёл тебя сюда, – сказала Манекенщица. – Нарушив все свои «так надо» и «так принято». Ради чего? Не ради идеальной картинки. Ради тебя. Даже такой.

– Я не знаю, как теперь жить, – прошептала Дора, и это была самая искренняя фраза в её жизни.

– А я не знаю, как быть без инструкции, – тихо сказал Поно.

Манекенщица рассмеялась, и её смех звучал как скрип деревянных суставов.

– Вот и прекрасно! Общий старт. Теперь вы можете составить инструкцию сами. Пункт первый: разрешить себе бояться. Пункт второй: смотреть друг на друга, а не в воображаемое зеркало. Все последующие пункты – пишите вместе. Чернилами из собственных желаний. Это и будет ваша «ткань» – прочная, живая, настоящая. И, поверьте, она куда интереснее любой «вечной юности».

Они вышли вместе. Дора не поправляла волосы. Поно не прямил спину с прежней твердостью.

Сказка не о том, что Дора перестала одеваться красиво. Нет. Она просто перестала делать это из страха. В её нарядах появилась странная, трогательная деталь – иногда чуть криво при-

колотая брошь, иногда цветок, который вот-вот завянет. В этом был вызов совершенству – более дерзкий, чем все её прежние кричащие наряды.

А Поно? Он так и не нашёл единой инструкции. Но он начал коллекционировать маленькие, собственные «так правильно»: «Правильно – держать её за руку, когда ей страшно». «Правильно – молчать, когда не надо слов». Это была самая сложная и самая важная служебная записка в его жизни.

Их страх – один перед безобразием, другой перед неопределённостью – не исчез. Но он перестал быть тюрьмой. Он стал общим знанием, как потайная дверь в доме, которую не используют, но всегда помнят о её существовании. А жить они стали не по правилам, а по той самой хрупкой, составленной вместе инструкции, единственный тираж которой хранился в двух сердцах, научившихся биться не в унисон, а в диалоге.

О мяснике Бруно и котлете стыда

В городе, где утренний туман имел привкус мокрой овечьей шерсти, а фонари на Рыночной площади жаловались друг другу на мигрень, стояла лавка мясника Бруно. Запах здесь был манифестом мясника: железо, специи, влажная свежесть и непререкаемая уверенность. Сам Бруно походил на свой лучший товар: могучее тело, шея, вросшая в плечи, как ствол в землю, и лицо – багровое, с прожилками, напоминавшее дорогой, но слегка пересоленный паштет. Это был цвет постоянной готовности к спору, к кипению, к отстаиванию своих границ.

Бруно был властителем своей маленькой вселенной. Каждый нож висел на своём крюке, каждая сосиска в петле была братом-близнецом предыдущей. Покупатель в его лавке не выбирал сам, что хотел, а Бруно веско рекомендовал: «Вам рёбрышки. Не спорьте, я знаю». И он и правда знал. Всё. Как рубить мясо, как воспитывать детей (хотя своих не имел), как должна течь река (и почему она течёт именно так). Его правда была тяжёлой и рубленой, как туша быка разделанная топором. Тех, кто сомневался, он замораживал своим фирменным «взглядом удава», а тех, кто осмеливался на своё «но» – мог обругать и в сердцах лишить лучшего куска. В его мире были только «правильные» люди (согласные с ним) и «недоумки» (все остальные). Неправота была для него немыслимым понятием, чудовищем, которого не было в его каталоге угроз. Признать ошибку? Это всё равно что добровольно поместить свой скелет в городскую камеру-обскура, поставив все с ног на голову.

Однажды старый пекарь Фридрих, чья булочная была через дорогу, зашёл за окороком. И между делом обмолвился:

– Слушай, Бруно, а в твоей партии телятины... Мне кажется, или...

– Или тебе кажется, – отрубил Бруно, точа огромный тесак. – Я выбираю мясо лично. Оно безупречно.

– Просто Арчибальд, вон тот гурман, жаловался, что котлеты у него вышли жестковаты, – несмело продолжал Фридрих.

Бруно побагровел и его лицо стало цвета спелой свёклы.

– Арчибальд? Этот щеголь, который розмарин с тимьяном путает? Его мнение – как лай дворняги на луну! Мясо было идеально! Он просто готовить не умеет!

Но зёрнышко сомнения, брошенное стариком, упало в редкую трещинку самомнения.

Прошла неделя, отмеренная точными, яростными ударами тесака о разделочный пень. И в лавку, пахнущую властной уверенностью, вошла та самая вдова генерала Велалока, донна Мария. Она принесла аккуратно завернутый в пергамент свёрток – тот самый филей, заказанный к её званому ужину.

– Бруно, – начала она, и в её голосе не было упрёка, а лишь лёгкая, разочарованная усталость. – Это не то, что мне нужно. Что-то в нём... унылое. Просто... кусок белка в дорогой обёртке.

Он взорвался, конечно. Его багровое лицо налилось таким цветом, что, казалось, вот-вот лопнет, обдав всё вокруг горячим бульоном ярости.

– Унылое?! – прогремел его голос, заставив задрожать связки сосисок под потолком. – Это ваш повар – унылый! Он, должно быть, собрался жарить его при свете полной луны, что ли? Или городская вода нынче скукой протухла? Мясо безупречно! Я, мясник Бруно, говорю вам это!

Вдова лишь печально покачала головой и оставив свёрток на прилавке, вышла из лавки, отстукиваемый её каблучками аккомпанемент его гневной тирады, затих.

Наступила тишина. Гулкая, как пустой желудок. Бруно стоял, тяжело дыша, и смотрел на этот свёрток – на воплощённое оскорбление его мастерства. Рука сама потянулась швырнуть его в мусорную бочку, куда летело всё, что осмеливалось не соответствовать его стандартам, «на собачий корм». Но пальцы, сжимавшие пергамент, вдруг замерли.

Он медленно развернул упаковку. Филей лежал там, чуть потемневший по краям. Бруно, не отдавая себе отчёта, почему он это делает, приподнял его. Взвесил на ладони. Затем, с непривычной осторожностью, большим пальцем надавил на мякоть. Она отдалась с той самой, знакомой лишь ему одному, ленивой упругостью – упругостью возраста, а не молодости. Тугость, которую не берут даже самые едкие маринады.

И сквозь привычную, толстенную броню своей уверенности он вдруг ощутил крошечный укол. Не боли. Хуже. Сомнения. Тихий, назойливый шёпот, похожий на шипение воздуха, выходящего из проколотой колбасы на сковородке: «А что, если... она права?» Мысль была настолько чужеродной, что он физически поморщился. Но она уже проникла внутрь. Шёпот реальной, немислимой, невозможной для Бруно погрешимости.

В ярости, смешанной с непонятным ему самому отвращением, он швырнул филей в самый дальний, сырой угол холодного подвала. Туда, где тень лежала плотнее всего, а воздух пах старым камнем и вечным забвением. «Сгнивай там со своей „унылостью“», – буркнул он и захлопнул тяжёлую дверь, пытаясь захлопнуть и эту щемящую трещину в собственном разуме.

На следующее утро его ждало Чудо или Напасть. Определить было сложно.

В том самом углу, куда упало мясо, теперь было нечто иное. Из него, прямо из его сердцевины, пророс Гриб. Но какой! Он был цвета слоновой кости, тёплой и медовой. И форма его была не как у всех нормальных грибов, а идеально, до смешного узнаваемой – форма толстой, сочной котлеты. От него исходил едва уловимый, фосфоресцирующий свет, слабый, как свет гнилушки в глухом лесу. И запах... Запах был самым странным. Это был не запах плесени или сырости. Это был тонкий, горьковатый, но отчётливый аромат стыда. Да, именно стыда. Если бы можно было учуять запах пригоревшего на сковороде чеснока, который добавили не вовремя, запах несдержанного, грубого слова, запах упрямого, осознанно неправильного решения – это был бы он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.